

Черный список

Автор:

Чандлер Бейкер

Черный список

Чандлер Бейкер

Чикаго. Women and crime

Подруги Слоун, Арди и Грейс – успешные юристы, долгое время служащие в компании «Трувив». Внезапная смерть генерального директора означает, что их босс, Гарретт Эймс, вскоре займет его место. Вокруг Эймса всегда вились слухи о том, как он обращается со своими сотрудницами. Эти слухи постоянно игнорировались и заматались под ковер мужчинами, стоящими у власти в компании. Однако теперь Слоун с подругами решают обнародовать правду о своем начальнике – ведь всем им есть что рассказать людям. Вот только ни одна из них не догадывается, к какой трагедии это приведет...

Чандлер Бейкер

Черный список

Chandler Baker

WHISPER NETWORK

© Chandler Baker, 2019. This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency.

Фото автора на форзаце: Eryn Chandler

В оформлении переплета использована фотография: © Ada Summer/Gettyimages.ru

© Найденов В. В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Если б вы только к нам прислушались, ничего такого не произошло бы...

Выдержка из показаний

12 апреля

Очевидец 1: Едва выйдя на улицу, я увидела какую-то вспышку... ну, не знаю... какое-то движение... кажется, на противоположной стороне площади. И поначалу подумала, что пролетела гигантская птица... а потом – черт! – что, может, это бомба. Еще доля секунды – и я поняла, что упал человек. Трудно сказать, мужчина или женщина. Надо заметить, в здешних местах довольно старомодная публика. Они все еще носят костюмы. Традиционные. Черные брюки и приталенные пиджаки. Как бы то ни было, свалиться с такой высоты...

Очевидец 2: Это произошло днем, приблизительно в час тридцать. Я как раз обедала с одной из клиенток в «Дакоте». У меня на столе даже тарелка со стейком и салатом подпрыгнула.

Очевидец 3: Не могу сказать, что чувствую себя хорошо. Вовсе нет. Ужас какой-то! Каким же надо быть эгоистом, чтобы выкинуть такую шутку? На улице ведь

были люди... И случилось все сразу после ланча... Если уж таким, как вы, невтерпеж, если вам так надо, то занимайтесь этим где-нибудь подальше от людей. Вот и всё.

Глава 1

Три недели назад – в день, когда все началось 20 марта

До того памятного дня наши жизни катились своим чередом, словно тележки на «американских горках», прижатые к рельсам и направляемые силами, которые мы, несмотря на обилие разных академических степеней, не в состоянии были постичь. Мы неслись вперед с ощущением контролируемого хаоса...

Мы были знатоками сухого шампанского. Потребовалось четыре дня, чтобы просмотреть все серии «Холостяка» на нашем видеопроекторе. Когда мы засыпали, на бедрах еще ощущалось тепло от ноутбуков. Мы делали двухчасовые перерывы, чтобы почитать на ночь сказки своим малышам, и старались не подсчитывать общее количество часов, потраченных на работе и дома, в качестве мам и домохозяек. Нам было трудно понять, что все-таки идет на первом месте, а что на втором. Мы были сверхквалифицированы и недостаточно загружены, мы были властными и считали, что всегда и во всем правы. У нас были крепкие рукопожатия и кругленькие балансы на кредитных картах. Мы вечно забывали свои ланчи на стойках в кухне.

И так каждый день. Одно и то же. Одно и то же. Пока все разом не изменилось. В то утро, когда внезапно умер наш генеральный директор, мы вдруг подняли головы и поняли, что у тележки, которая катится по «американским горкам», сломалось колесо и нас вот-вот выбросит с рельсов...

Арди Вальдес – такая терпеливая, настоящий стоик, которая, к слову, всегда носила практичную и очень качественную итальянскую обувь, – первой почувствовала надвигающуюся катастрофу. Узнав новости, она решила подстраховаться.

– Грейс? – Остановившись в коридоре, постучала по гладкой двери с прикрепленным на ней сувенирным магнитом в форме коровы. – Грейс, это я, Арди. Можно войти?

Она ждала, прислушиваясь, пока за дверью не послышались шаги. Щелкнул замок.

Арди нырнула в небольшую комнату и заперла за собой дверь. Грейс уже устроилась на кожаном диване; ее шелковая блузка нелепо прикрывала два закрепленных на груди пластмассовых конуса.

Арди быстро осмотрела комнату. Мини-холодильник. Потрепанный диван – на нем сейчас сидела Грейс. Маленький телевизор, на экране – знакомый эпизод из сериала «Элен». Снаружи слышались чьи-то голоса, торопливые шаги, гул копировальной техники. Арди нахмурилась, одобритительно кивнув.

– Здесь у тебя собственное маленькое убежище.

Грейс протянула руку к кнопке молокоотсоса, и раздалось методичное механическое жужжание.

– Или скорее моя собственная небольшая могила, – пошутила она.

Ее мрачный юмор почти всегда заставлял Арди врасплох. Чисто внешне Грейс казалась довольно бесхитростной. У нее были начесанные осветленные волосы, она являлась активным членом клуба выпускников «ТриДельта» и исправно посещала пресвитерианскую церковь вместе со своим высоким темноволосым мужем, Лайамом, большим любителем рубашек в клетку. Они были включены в особый список приглашенных на открытие Президентской библиотеки имени Джорджа Буша-младшего и считались «сочувствующими консерваторами». Для Арди такое означало, что, по их мнению, гомики вполне могут вступать в браки. При этом сами они предпочитали платить как можно меньше налогов. Кроме того, у них имелся как минимум один пистолет, который хранился в сейфе. Этот железный ящик покоился на полке для одежды в гардеробной у Грейс, и то, что она, несмотря на все вышеперечисленное, вызывала у Арди симпатию, говорило о многом...

– А сколько вообще едят младенцы? Я все сцеживаю и сцеживаю... Арди, черт побери, ты только взгляни на меня! Я ведь целый день торчу перед телевизором и смотрю «Элен»!

Обычно Грейс никогда не ругалась.

Арди помнила, как долго тянулись дни, когда ее собственный сын, Майкл, спал всего по несколько часов в сутки. Все ее тело казалось непривычно тяжелым и... несвежим, словно покрывалось тонким слоем грязи. В общем, это почти как нечищенные зубы...

Она порылась в своей большой сумке и вытащила две запотевших жестяных банки «Ла-Круа». Вручив одну Грейс, опустилась на пол перед диваном. Арди иногда позволяла себе такие вещи. Например, сесть на пол на работе. А все потому – и она первая это признала, – что перестала жить по правилам. По сути, еще несколько лет назад. Она спала лишний час, вместо того чтобы потратить его на укладку волос и макияж. Она почти никогда не ходила по магазинам. Она не потратила ни минуты своего драгоценного времени на пилатес. С ее стороны это, пожалуй, был самый прорывной шаг к обретению большей личной свободы...

Она бросила мимолетный взгляд на телефон. Никаких звонков или сообщений.

– В общем, так, – сказала Арди, – Бэнкоул умер. Все произошло сегодня утром у него дома, когда босс собирался на работу.

Грустную новость она произнесла довольно равнодушно. Собственно, по-другому Арди и не умела. И всегда это звучало очень незатейливо: «У моей мамы рак» или «Мы с Тони разводимся».

– Что?! Как? – Грейс бессильно опустила трубки, которые пыталась повторно вставить в пластиковые воронки, торчащие из-под лифчика.

– У него случился сердечный приступ. Жена обнаружила его в ванной, – сказала Арди, уперев локти в колени и уставившись на Грейс. – Только что узнала.

С генеральным директором компании, Десмондом Бэнкоулом, Арди виделась лишь однажды, в лифте. Они просто пожали друг другу руки. Ранее босс высказался за то, чтобы познакомиться с каждым, кто работал в компании, вплоть до уборщиц. У него были очень белые и ровные зубы. Ростом он оказался несколько ниже, чем она думала. Кисти рук, выглядывавшие из-под рукавов пиджака, напоминали птичьи лапки.

– Между прочим, я скрываюсь, – заявила Арди и, прежде чем Грейс успела спросить, продолжила: – От Эймса. Тот все спрашивает, куда подевалась Слоун. Я ответила, что она, вероятно, ушла на обед. А он, мол, что никуда ее не отпускал. Я подчеркнула, что она – первый вице-президент Североамериканского юридического департамента, и ей не требуется особое разрешение, чтобы пойти пообедать и...

– Так ему и сказала? – Грейс выпрямилась. Слоун была их подругой, но заодно – чисто технически – еще и начальницей. А Эймс был ее боссом.

– Ну, конечно, нет! Спятила, что ли?

– Ох, – выдохнула Грейс, заморгав, и принялась крутить маленький бриллиантовый крестик на своем ожерелье. Моторчик молокоотсоса продолжал гудеть.

– Так что здесь я скрываюсь, как подлый трус, – продолжала Арди. – Жду, когда перезвонит Слоун.

Как правило, крутым боссам вроде Эймса наплевать на таких, как Арди. Он терпеть не мог слушать тех, на кого ему не нравилось даже смотреть. Когда он спросил, где Слоун, его глаза бегали по сторонам, и взгляд ни на мгновение не задержался на Арди. Потом Эймс тут же ушел, как только решил, что и так уделил сотруднице достаточно внимания. Об этом эпизоде она Грейс не рассказала...

Арди съежилась. В такой комнатухе не замечать грудь подруги было просто невозможно.

– Он высасывает их у тебя так, что они похожи на торпеды. Не больно?

Майкла они с мужем усыновили почти четыре года назад. Так был положен счастливый конец долгим годам борьбы с бесплодием. Сама Арди никогда не кормила грудью, но всегда воображала безмятежного младенца, нежно прижавшегося к ее груди. И еще широкий шарф ручной работы – на тот случай, если кто-нибудь чересчур стеснялся. Но не такие мытарства, которые ей теперь приходилось воочию наблюдать на примере подруги.

– Не так, как рот Эммы Кейт, если честно... Говорили, что кормление грудью – процесс безболезненный. И что в целом это просто замечательная штука. Ну, вот взять бы да протащить их соски по асфальту и посмотреть, так ли это безболезненно и замечательно.

– Господи, ведь изобрели же умные зубные щетки, – сказала Арди. – Мой робот-пылесос может отыскать базу, встать на подзарядку и вообще лечь спать. Но мы почему-то не в состоянии придумать устройство, которое отсасывало бы молоко получше, чем дрянь, которой пользуешься ты...

Эта штука явно гипнотизировала ее.

– Изобретают такие штуки обычно мужики, – заметила Грейс, приподняв брови. – А у мужиков есть зубы... и полы.

Арди сделала длинный глоток газировки с привкусом грейпфрута, а в этот момент на телеэкране Эллен Дедженерес приветствовала молодого человека на сцене. Скорее даже подростка. И Арди понятия не имела, кто это такой. Она снова активировала экран своего мобильного: ничего нового.

– У меня вдруг мелькнула страшная мысль, – проговорила она. – Следующим генеральным директором может стать именно Эймс.

– Нет! Хотя... Ты думаешь?..

– Ну, да, он и выглядит как генеральный директор. Высокого роста. Людям нравятся высокие... – Арди сжимала и разжимала кулак, разминая онемевшее запястье. – Говорю же тебе, – энергично повторила она. – Этот сукин сын вполне может управлять компанией! Только вот что будет с нами?

Это были не просто слухи о появлении в фирме молодого специалиста. Или о том, что произошло два года назад с его помощником на гольф-турнире Байрона Нельсона, после чего все гадали, кто будет уволен. Однако ясно было одно: уж точно не Эймс. И дело даже не в идее о том, что корпоративная культура начинается наверху и с рулящим Эймсом в компании откроется сезон охоты...

Дело в том, что Эймс Гарретт ненавидел Арди.

– Не знаю, – проговорила Грейс. – Ко мне он всегда относился хорошо.

Арди решила на время оставить проблему. Грейс была на несколько лет младше Арди и Слоун, и до сих пор придерживалась мнения о том, что кто-то может считаться «хорошим человеком», несмотря на свои поступки. Как будто именно поступки не являются самым надежным индикатором. И, кроме того, Арди видела Эймса Гарретта в действии...

Но все-таки были такие вещи, которые не обсуждались даже среди друзей, – религия, деньги и, возможно, Эймс.

Грейс нажала на кнопку молокоотсоса, чтобы увеличить интенсивность. Одна из трубок выскочила и упала на пол. На юбку Грейс пролилось несколько белых капелек. Она закрыла глаза и откинула голову назад, раздувая ноздри. Когда же открыла их снова, ее глаза блеснули. Потерев нос, она спокойно взяла выскочившую трубку. Пытаясь вставить ее на место, дважды промахивалась. Третья попытка увенчалась успехом. Грейс немного расслабилась.

– То, что случилось с Бэнкоулом, просто ужасно. – Она бросила тусклый взгляд на экран телевизора. – Видимо, это неправильно, что мы не можем еще сильнее расстроиться?..

Арди не ответила, потому что Грейс и в самом деле выглядела довольно грустной.

Она снова взглянула на свой телефон. Зарядка заканчивалась: осталась всего одна полоска.

Где же, черт побери, Слоун?..

Глава 2

20 марта

Слоун уставилась в потолок кабины, мысленно подгоняя лифт. На пятнадцатом этаже двери раскрылись, и она выскочила из него, словно угорелая.

– Все собрались в конференц-зале, – сообщила ее секретарь, Беатрис, не отрывая от уха телефонную трубку.

– Знаю, – на ходу бросила Слоун, устремляясь по коридору. – Меня уже надули по-королевски.

К сведению, пару часов назад все было прекрасно. Вместе с мужем и десятилетней дочерью они сидели у директора ее школы. Слоун предусмотрительно засунула свой телефон в сумочку, потому что считалась хорошей матерью, а в данном случае нужно было вдобавок произвести впечатление сосредоточенной собеседницы. Или это было частью той роли, которую она готова была сыграть перед директором Кларком, так или иначе.

А теперь на тебе!

Вытащив мобильник, Слоун просмотрела итоги совещания и тут же обнаружила на экране мобильного новые сообщения от Арди:

Десмонд скоропостижно скончался этим утром.

Сердечный приступ.

Тебя разыскивает Эймс.

Ладно, теперь серьезно, ты где?

Слоун??

У нее даже не было времени попрощаться с мужем...

Наконец Слоун оказалась у Северного конференц-зала. Сердце колотилось так, словно ее вот-вот хватит удар. А ведь сердечный приступ – это для женщин старше сорока угроза номер один! Она где-то слышала об этом. Возможно, на дневном ток-шоу «Взгляд»?.. Слоун потянула за ручку, чтобы войти.

За столом сидели семь высокопоставленных адвокатов – уровня директора или выше. Эймс – главный юрисконсульт. Кунал – из отдела связей, Марк – из службы занятости, Арди – советник по налогам, Филип – советник по рискам, Джо – по судебным спорам. И Грейс – директор по вопросам соблюдения правовых норм. И еще одна женщина помладше с каштановой стрижкой, как у феи, и белоснежными щеками. Ее Слоун никогда раньше не встречала.

Все присутствующие повернулись к ней.

– Простите за опоздание.

Слоун села на пустующее место возле Эймса. Женщина со стрижкой вежливо улыбнулась.

Эймс оторвал взгляд от стопки бумаг. Через его густую шевелюру пролегла неровная полоска седины. Сами волосы были кофейного цвета, за исключением посеребренных сединой корней над ушами.

– Где вы были?

– Я была... – Слоун замолчала на долю секунды, прикидывая, как лучше закончить фразу. (Мы все так делали. Шла ли речь о свидании или о работе в офисе, мы хорошо осознавали, каково это – сделать вид, что у тебя нет детей. Мужчина мог сказать, что брал отгул, чтобы пойти порыбачить с сыном; ну а мать слишком долгий обед объясняла тем, что ей пришлось срочно отвести ребенка к врачу. В общем, при неважном раскладе дети превращали своих отцов в героев, а матерей – в менее значимых сотрудников.) – Я выходила ненадолго. –

Она откашлялась.

– Без сотового телефона? – Эймс послунил кончик пальца, чтобы легче было перелистывать страницы. Все сидящие за столом неловко заерзали.

– Не расслышала звонок, – ответила Слоун. – Наверное, оказалась в зоне плохого приема.

Не слишком хорошее оправдание...

Эймс с шумом распаковал пачку конфет «Хот Темейлс», сунув одну из подушечек себе в рот.

Грейс уставилась на него, отчаянно борясь с желанием поймать взгляды всех семи человек, находящихся вместе с ней в конференц-зале.

Потом Эймс подмигнул. Причем, как всегда, только левым глазом. И тонкие морщинки вокруг глаз тут же веером расползлись к вискам. Он был одним из немногих знакомых ей мужчин, который подмигивал не просто так и достиг в этом деле определенного совершенства. На этот раз это значило, что «у нас все хорошо», а заодно и «я здесь главный».

– Слоун Гловер... и все остальные, – проговорил он, будто представлял на сцене комика. Слоун оцетинилась, хотя ее лицо осталось спокойным. Работа с Эймсом была похожа на ситуацию, когда сидишь рядом с человеком, который постоянно пинает вас ногой под столом. – Как хорошо, что мы можем наконец начать. Так начнем же.

Последовали неуклюжие кивки. Сидящий рядом с ней Филип молча вытащил блокнот с ручкой и положил перед Слоун. Та прижала руку к груди, где-то между ребер, и тихо выдохнула. «Спасибо», – произнесла она одними губами. Филип, у которого был вечно помятый галстук, лишь пожал плечами. Эх, если бы все мужики в конторе вели себя, как он...

– Предполагаю, что к настоящему времени все уже слышали о прискорбной кончине нашего генерального директора Десмонда Бэнкоула, – начал Эймс. – В ближайшие дни объявят о поминках. Уверен, что могу с большой долей

уверенности рассчитывать на то, что многие из вас придут на похороны.

Когда Эймс рассказывал о достижениях Бэнкоула, Слоун торопливо записывала тезисы, которые формулировала по пути в офис.

Эймс резанул по ней недовольным взглядом.

Она положила ручку.

– Попытаемся правильно понять друг друга. – Он сложил руки. – Я бы хотел, чтобы мы с помощью Грейс обсудили юридические обязательства, которые несет компания «Трувив» как акционерное общество. Итак?..

Грейс выпрямилась. Слоун часто задавалась вопросом, претерпевает ли ее лицо тот же процесс трансформации, когда ей приходится строить из себя авторитетного специалиста по поводу того или иного обсуждаемого предмета. В двадцать с небольшим, наверное, так и было. Затем Слоун уже явственно чувствовала, как напускает на себя маску уверенности, понизив голос, удалив из речи все пристрастия и предпочтения и напоминая себе, что, да, она вполне компетентна. Что касается Грейс, то та вздергивала подбородок и расправляла плечи. Слоун – как и большинство из нас – редко замечала в коллегам-мужчинах эти малозаметные признаки самоуверенности. Может, потому, что их и вовсе не было? Или мы были не слишком настроены их увидеть?

– Конечно, – сказала Грейс и принялась обсуждать последние решения Комиссии по ценным бумагам, формы 8К, вопросы обновления корпоративного веб-сайта. – При нынешнем неожиданном отсутствии генерального директора, – объяснила она, – ключевую роль играет прозрачность. Я разошлю меморандум, который поможет все упростить.

– Кроме того, мы работаем над совместным заявлением. – Для убедительности Кунал указательным пальцем постучал по столу. – По возможности, на любые звонки прессы отвечайте так: мы весьма опечалены утратой Десмонда как в личном, так и в профессиональном плане. – Его широкие карие глаза поочередно задержались на каждом из присутствующих. – И ни в коем случае, чем бы ни занимались, не отвечайте словами: «Без комментариев». Акционеры терпеть не могут эту фразу. Понятно? Мы постараемся получить заявление завтра к утру. Как считаете, Слоун, сможем?

Слоун откинулась на спинку стула.

– Наверное, да, – решительно проговорила она. Уклонение от прямого ответа могло сойти с рук лишь мужчинам. Это производило впечатление задумчивости. Если Слоун начнет болтать попусту, то это прозвучит так, будто она не знает, что делает. – Мы должны утвердить новый кадровый план и рассмотреть недавние примеры компаний, которые особенно успешно пережили смерть или болезнь генерального директора. Парочку таких примеров фирм я уже вспомнила, напри...

– На самом деле, – перебил ее Эймс, – мне кажется, мы должны взять пример с «Макдоналдса». У них была аналогичная ситуация. За два года умерли два генеральных директора, первый из них – внезапно. Да, и еще «Имейшен». Вот с этих примеров я и начал бы, Кунал.

Слоун с трудом погасила в себе вспышку разочарования. К этому моменту она уже использовала весь ассортимент потенциальных реакций. Ее «фаворитом» было вежливое: «Интересно; это очень созвучно тому, что я только что сказала». Причем произнесенное с превосходным южным акцентом. Но сейчас она просто ответила:

– Превосходная мысль, Эймс.

Тот удовлетворенно потер ладони.

– Ну, ладно, тогда ждем развития событий. Если я понадобится, то дверь моего кабинета всегда для вас открыта.

Все поднялись из-за стола. Слоун щелкнула шариковой ручкой. На подушечке ее правого среднего пальца остались пятна от чернил. Арди и Грейс, сидевшие напротив, обошли комнату и направились к выходу.

– Прости, – наклонившись, прошептала Арди и покачала головой.

Грейс сжала губы и, поймав руку Слоун, легонько сжала ее. Та заметила влажное пятно на шелковой блузке Грейс и сразу же поняла, что его никак не отстирать и не вывести. При кормлении грудью бессмысленно надевать что-либо

из шелка. Ей следовало сказать ей об этом раньше.

– Кэтрин! – Эймс поднял вверх палец, обращаясь к новенькой, которая задержалась, в то время как все остальные уже направились к выходу. – Секундочку. Мне просто нужно достать из ящика стола проект объявления для Слоун. – Он посмотрел на Слоун. – Вы не против заглянуть по пути в мой кабинет?

Они вышли в узкий коридор. Эймс шел впереди, а Слоун следовала в двух шагах позади. На самом деле дверь кабинета Эймса вовсе не была, как он только что заявил, всегда открыта. Ни в буквальном, ни в фигуральном смысле...

Он открыл дверь в свой кабинет, и они вместе вошли внутрь «Святылища» – фотогалереи со снимками, на которых Эймс в разное время позировал с известными спортсменами. «Трувив инкорпорейтед» представляла собой ведущий в мире бренд спортивной одежды и спонсировала ведущих спортсменов страны. На одном из снимков Эймс играл в гольф с самим Тайгером Вудсом. Вот он сидит рядом с травмированным Кевином Дюрантом. А вот – надо же! – еще одна фотография, на которой он перебрасывается мячом с Джастином Верландером и его женой, Кейт Аптон. Эймс наверняка понимал, что мужчины и женщины, увековеченные на его стене, могли считаться его друзьями лишь потому, что значительную часть их доходов от рекламы оплачивала компания «Трувив». Но ему было все равно. Так или иначе, Слоун считала «Святылище» социально полуприемлемым эквивалентом дикпика.

– Итак, – сказал Эймс, повернувшись и прислонившись к столу.

Он был человеком среднего возраста, носил темно-серый костюм и умел выглядеть лучше своих лет. По крайней мере этот факт Слоун считала объективным, хотя ей по-прежнему с трудом удавалось считать его привлекательным. Просто это превратилось еще в один факт, связанный с Эймсом, в который она не до конца верила. – Десмонда больше нет. – Он прижал большие пальцы к глазницам и помассировал глаза. – Такого я, признаться, никак не ожидал...

– Я... да, мне очень жаль.

Слоун позволила себе немного окунуться в прошлое. После того как узнала трагические новости, она впервые на фоне всех этих соболезнований мысленно осознала, что произошло. Умер генеральный директор. Это было ужасно. У него ведь остались дети, подумала Слоун. Кажется, двое. Чуть старше ее Эбигейл. Она собиралась помянуть его сегодня вечером вместе со своим мужем, Дерекон, за бокалом вина. Это был лучший сорт шардоне, который мог сейчас предложить их холодильник. Она запомнит Десмонда за живое, внимательное лицо – в тот момент, когда он сидел за столом переговоров, слушая ее ежеквартальный отчет руководству компании.

– Помнишь, как он всегда называл тебя «мисс Слоун?» – Эймс сложил руки; его плечи вздрогнули от тихого добродушного смеха. – Как будто ты учительница в начальной школе.

Воспоминание вызвало у нее слабую улыбку.

– Да, конечно. Но ничуть не раздражало. Из его уст это не звучало обидно.

– Ты ему нравилась. – Эймс отодвинулся от стола и перешел на его противоположный край, где стоя принялся что-то торопливо набирать на клавиатуре. Несколько секунд Слоун ждала, не зная, сколько внимания стоит уделять тому, что Эймс сейчас делает за компьютером.

– Сожалею, что сменила тему, но кто та женщина? – спросила она. – Кэтрин, если не ошибаюсь.

Эймс выдвинул ящик стола, вытряхнул парочку «Хот Темейлс» и сунул в рот.

– Это Кэтрин Белл. Я вас потом познакомлю. Совсем выскочило из головы. Секундочку... – Он нажал еще несколько клавиш, после чего снова взглянул на Слоун.

Ей казалось, что у Эймса иногда случается легкая селективная амнезия по поводу их первых лет на фирме. В других случаях это, казалось, была единственная вещь, которую Эймс помнил в связи с ней. Сегодня он был готов сделать вид, что прошлого просто не существует.

– Это наш новый сотрудник. У нее большой корпоративный опыт. Будет, кстати, работать в твоём отделе. Думаю, вскоре ты поймешь, что это и в самом деле очень ценное приобретение.

Взглянув на Эймса, Слоун прищурилась, как будто неправильно расслышала его.

– У меня в отделе? – переспросила она.

– Вот именно.

– И ты даже не подумал проконсультироваться со мной о найме нового сотрудника? – Слоун повысила голос; со стороны его можно было бы сейчас назвать пронзительным. – Я ведь старший вице-президент этого отдела!

Прошло уже несколько лет – лет! – как Эймс прекратил пудрить ей мозги. Слоун много месяцев сохраняла с ним весьма прохладный контакт, практически не реагируя на его новые попытки. А сейчас своей внезапной вспышкой раздражения рисковала разом перечеркнуть все.

Эймс наклонился и снова посмотрел в монитор.

– А я – главный юрисконсульт, – заметил он. – Может, поменяемся резюме?

Слоун уже чувствовала, как мысленно прокручивает их разговор сегодня вечером в зеркале, во время чистки зубов, горько жалея, что он прошел именно в таком русле, а не по-другому.

– А где, кстати, кабинет Кэтрин? – спросила она, решив поменять тактику.

– Я полагал, что об этом ты позаботишься сама. В конце концов, – он сверкнул обезоруживающей улыбкой, и его подбородок покрылся рябью, – ты ведь у нас первый вице-президент!

– Хорошо. – Она глубоко вздохнула. Нельзя было навечно посадить в конференц-зале адвоката, даже того, о котором Слоун и не просила. Она взяла свой блокнот и к уже имеющемуся списку деловых вопросов добавила: «Найти кабинет для Кэтрин». Какой дурацкий день! Разве новая сотрудница не выглядела молодой, а

ее кожа – влажной? В голове тут же завертелось слово «инженю», хотя это было смешно. Новенькой, должно быть, лет тридцать, не меньше. А значит, эта Кэтрин старше ее, когда она только пришла сюда...

Слоун повернулась, чтобы уйти, забыв на мгновение причину, по которой пришла сюда.

– Слоун... Вот проект. – Эймс наконец решился сесть в кресло и теперь что-то набирал на клавиатуре. Что именно, ей не было видно, поскольку она стояла к монитору под углом. Он кивнул в сторону раскрытого блокнота на столе. – Я взял на себя первый удар. И мне нужно обязательно просмотреть это перед печатью.

Слоун подошла к его столу. На блокноте лежали раскрытые ножницы; на фоне желтых страниц они создавали резкое «X». Она явственно ощущала недосыпание и злость. Не давали покоя стопки нераспечатанных счетов и масса другой работы. Пальцы задержались на прохладном металле. Иногда, когда Слоун забиралась куда-нибудь очень высоко, она волновалась, что ее охватит нестерпимое желание прыгнуть и она рухнет вниз. Всем нам знакомо чувство, с которым Слоун – да и любая из нас – могла схватить ножницы и мгновенно вонзить их в шею Эймса...

Она подтянула к себе блокнот и начала листать. Запотевшие кончики ее пальцев немного прилипали к страницам.

– Верну через час, – сказала Слоун, выходя из кабинета Эймса Гарретта, но в ее голос все-таки закралась фальшивая нотка. И не впервые...

Выдержка из показаний

26 апреля

Мисс Шарп: Назовите свое имя, пожалуйста.

Респондент: Слоун Гловер.

Мисс Шарп: Ваш род занятий, мисс Гловер?

Респондент: Я работаю адвокатом в компании «Трувив». Моя официальная должность – первый вице-президент Североамериканского юридического отдела.

Мисс Шарп: Сколько времени вы работаете в «Трувив»?

Респондент: Около тринадцати лет.

Мисс Шарп: Приличный срок. Мало кто столько времени остается на одном месте... Что удерживало вас в «Трувив» так долго?

Респондент: Я занимаю высокую и весьма желанную должность. Штатные вакансии, особенно хорошо оплачиваемые, получить не так просто. «Трувив» – общеизвестный бренд. Многие люди ничем бы не поступили... – простите, не хотела – ну, то есть на моем месте хотели бы оказаться очень-очень многие.

Мисс Шарп: Как вы познакомились с Эймсом Гарреттом?

Респондент: Эймс состоял в группе, которая проводила со мной собеседование, когда я собиралась покинуть «Джексон Броквелл». Так что, полагаю, именно тогда мы и встретились в первый раз.

Мисс Шарп: Вы тесно сотрудничали с мистером Гарреттом?

Респондент: Только когда начали работать над ликвидацией одного из филиалов. Думаю, что к тому времени Эймс проработал в компании приблизительно пять лет. Он координировал передачу материалов по исполнительному производству адвокату противоположной стороны, а я ему помогала.

Мисс Шарп: И как вы охарактеризовали бы свои тогдашние отношения?

Респондент: Как замечательные.

Мисс Шарп: Что вы хотите этим сказать, мисс Гловер?

Респондент: Я считала, что Эймс умен и амбициозен. Он многому научил меня в области управления процессом продаж. Мы неплохо ладили.

Мисс Шарп: Ясно. А когда у вас начался роман?

Глава 3

20 марта

Мы читаем книгу Шерил Сэндберг «Не бойся действовать». Пусть только кто-нибудь попробует забрать ее у нас! В женских профессиональных кругах нашего города книга стала почти обязательной. Если нашим подругам требовался какой-нибудь совет, то для нас было делом чести сказать им искренне, мудро, умоляюще: «Все, что тебе нужно, это лишь наклониться поближе и выслушать».

И вот мы все время читали ее, все двести сорок страниц. Когда сводили финансовые показатели, когда слушали аудиокнигу или когда мчались по шоссе в своих «Лендровегах». Нам был нужен тот, кто в нужный момент осадит нас и скажет, что мы что-то делаем не так, и посоветует, как это исправить. Чтобы напомнить, что мы еще не заработали достаточно денег, что не покорили все карьерные вершины и не истрепали все нервы. Мы фантазировали о наших карьерах, посещали различные мероприятия для женщин. Мы последовали рецепту и установили таймер на восемнадцать месяцев. А к тому времени поняли, что под напором всех женщин, которые готовы действовать, невидимый «стеклянный потолок», служащий барьером для штурма карьерных высот, наверняка рухнет.

Когда именно мы осознали, что это не работает? Может, на выборах? Или раньше? Очень трудно выявить какие-то различия в статусе кво. Это все равно что попытаться измерить небольшие падения температуры без термометра. Но мисс Сэндберг кое в чем все-таки права. Нам нужно действовать...

Это был единственный способ узнать, о чем шепчут вокруг.

* * *

Каждые три минуты автоматический освежитель воздуха распылял цитрусовый ароматизатор, и Грейс, вздрогнув, возвращалась к реальности. В общественном туалете. Прямо на унитазе. Во время бессмысленного пролистывания фоток в «Инстаграме». Со спущенными трусиками...

Вот до чего довело ее материнство! Вечные недосыпания. Все обещали, что это пройдет. Что скоро она опять почувствует себя нормально, как раньше.

Ей так хотелось поскорее обрести свое прежнее «я»...

Дверь в туалет распахнулась, и появились две пары каблучков.

Грейс, возможно, могла бы заявить о себе, надорвав туалетную бумагу или резко встав. Но прежде чем она смогла пошевелиться, пара каблучков остановилась перед зеркалом, и их хозяйка сказала:

– Даниэль отправила мне вот эту электронную таблицу. Боже, кто же знал, что в Далласе столько скользких типов?

Грейс оторвала усталый взгляд от экрана телефона. Потом искоса посмотрела снова. Наклонила голову, чтобы рассмотреть обувь в зеркале: розовая, симпатичная, но не супермодная. Возможно, из коллекции Стива Мэддена.

Молодая женщина на розовых шпильках, должно быть, подкрашивалась у зеркала. Другая – на кожаных каблучках – вошла в одну из кабинок и закрылась в ней.

– Ты должна была сказать мне. Я получила это дня три назад.

Грейс испытывала затруднения с постановкой собственного голоса (вообще, наши голоса представляли собой не более чем хитроумное изобретение. Мы жили в эпоху скрипучих голосов и словесного всплеска. И ненавидели себя за это). Беседа в туалете объединила два действия, между которыми не было, казалось, ничего общего. Но Грейс не забыла, что, когда сама была помоложе,

совместное посещение туалетной комнаты и поочередная болтовня на отвратительном сиденье унитаза считалась символом корпоративного сближения. Она ощутила легкую тоску по тому времени...

– Сумасшедшая штука, – продолжала Мисс Кожаные Каблуки, – а ведь один из тех парней – лучший друг моего папы.

– Надо же, – буркнула стоящая у раковины Мисс Розовые Каблуки. Грейс услышала хлопок косметички. – И что же, он никогда к тебе не подваливал?

Грейс прекрасно отдавала себе отчет, что ее собственные «Феррагамос» хорошо заметны под дверцей кабинки, если кто-нибудь из незнакомок захочет посмотреть. Может, следовало их снять? Или это было бы слишком?

Она никак не могла решить, как поступить дальше, поэтому ничего не стала делать.

– Нет, он всегда был замечательным. Абсолютно нормальный парень, я просто уверена. В прошлом месяце кое-кто из моих родственников обедал с ним.

– А можешь представить, что это, например, твой отец? – спросила Розовые Каблуки. – Ведь в этом все и дело. В них. Они ведь чьи-то папы, вот что я хочу тебе сказать. Подумай только, что получишь нечто подобное в своем электронном ящике и увидишь имя своего отца, а рядом – какую-нибудь мерзость. Разве ты смогла бы потом еще раз взглянуть на него?

Грейс решила про себя, что Розовые Каблуки – скорее всего, студентка первого курса юрфака, которая пару дней в неделю стажировалась в «Трувив». Не из самой лучшей школы. Ее зовут Оливия? София? Как-то так.

– Ну, ладно, тебе простительно, – заметила Кожаные Каблуки. – Марк Соулс – благородный человек. И это не тот имидж, который мне нужен.

В самом деле, голос принадлежал Александре Соулс, одной из молодых адвокатов, которых Слоун наняла в прошлом году. Грейс понравилась Александра. Она и эта то ли Оливия, то ли София были подругами из колледжа, не так ли?..

Интересная штука: Грейс не слышала, чтобы кто-нибудь сегодня говорил о смерти Бэнкоула. Возможно, эти девчонки слишком молоды или слишком далеки от вершины карьерной лестницы, чтобы беспокоиться о таких вещах... Или, может быть, просто считали, что то, что они сейчас обсуждают, намного круче...

Им и в самом деле следовало заглянуть под дверь ее кабинки.

– Думаешь, что все так и есть? – спросила Оливия-София, и в голосе ее чувствовалось скорее приятное возбуждение, а не шок.

Александра просто рассмеялась.

Кончики туфель Оливии-Софии повернулись к кабинкам.

– Ты добавила чье-нибудь имя? – спросила она.

Грейс услышала шум спускаемой в унитаз воды.

– Да нет... – проговорила Александра. Ее реакция выглядела, как у заряженного пистолета. Раздался скрип петель, потом стук дверцы, и она вышла из кабинки. – А что?

Судя по звуку льющейся воды, Александра принялась мыть руки. Потом кран был закрыт, и заработала сушилка для рук.

Грейс помассировала виски. Она попыталась соединить все вместе. То есть появилась некая электронная таблица, которую получили Александра и Оливия-София. И в ней – какой-то список. Список «скользких» типов, как они выразились. Теперь дамочки передавали его между собой. Обсуждали. (Грейс лишь наверстывала упущенное, но многие из нас уже видели тот список. И кое-что в него добавляли. Мы использовали фиктивные адреса электронной почты и поддельные имена пользователей, словно боялись, что они выйдут из моды быстрее, чем ромперы и трехшовные рукава.)

Шум воды в раковине внезапно прекратился.

– Не имеет значения, – сказала Александра. – Тот парень, очевидно, что-то натворил. Поэтому я уверена, что он заслуживает этого. Они все должны лишиться своей работы.

Грейс вздрогнула. А как же надлежащая правовая процедура, подумала она, хотя тут же почувствовала себя выпускницей-«ботаном» из юридической школы. Кем, собственно, и являлась...

Александра и Оливия-София вышли из туалета, и Грейс уже не могла расслышать их голоса. Хлопнула дверь, и наступила неловкая тишина. Лишь она одна могла сейчас составить компанию Грейс.

Хотя вообще-то, если задуматься, такое с ней уже случалось...

Глава 4

20 марта

Ни у одной из нас не было времени. Ни на что. Если б время было валютой, то все мы вот-вот стали бы банкротами. Иногда какая-нибудь книжка с многообещающим названием вроде «Я знаю, как она это делает» вдруг оказывалась в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс». Несколько недель мы зачитывали ее до дыр, передавали друг другу, пытаясь опробовать все авторские советы – например, новомодную диету. Но для всех существовали – как это по-научному? – ведомственные препятствия.

Во-первых, по времени мы работали меньше, чем мужчины в нашем офисе. Это был просто факт. Тридцать минут уходило утром на то, чтобы высушить феном волосы. Десять минут, чтобы расчесать их и завить. Пятнадцать минут на макияж. Еще три минуты на кольца и серьги. Шестнадцать минут, чтобы выбрать, в чем отправиться на работу. Вечером сорок пять минут на кардиотренажере, а потом – еще четверть часа – прокачка брюшного пресса. Но это уже как получится. Если вы считаете, что мы всё это выдумываем, предлагаем быстро пересмотреть фотки персонала на веб-сайте компании.

Тогда сами все поймете.

Возникает также и экономия за счет эффекта масштаба. Время – ресурс конечный, поэтому кто должен извлекать из него максимум? У тех из нас, кто был мамами, имелся самый востребованный аргумент: не забывайте о детях! А как же остальные? Мы сидели в кабинетах, слушая тиканье наших биологических часов, в то время как прочие могли запросто забыть о пропущенном свидании, о случайной встрече, об упущенной возможности встретить того, с кем могли бы захотеть стать матерью. А затем, как говорится, «замани и обмани». Если уж мы действительно становились женами и матерями, то ценность нашего времени резко возрастала. Как и расходы...

Причем дело было не в вычетах из постоянных затрат. Возможно, мы решили воздержаться от рождественских фотографий детей, одетых в тартаны, или вовсе не иметь детей. Но слишком часто это ощущалось как хороший карьерный шанс, да и только. И заранее спасибо за молчаливое согласие потерять право на свободное время. Кому-то нужно провести аспирантский курс, посвященный тонкостям и сложностям нашего времени. Интересно, может, пригласить для этого Шонду Раймс?

Слоун довольно долго пялилась в свой монитор. Солнце уже почти зашло. Далласский горизонт – темные верхушки небоскребов и висячие мосты – постепенно растворился в темноте и уступил место безвкусному электронному рекламному щиту отеля «Омни».

Слоун протерла глаза, больше не беспокоясь о том, остались ли в уголках черные пятна от туши. Когда только закончила юридический институт и начала работать в какой-то фирме, она точно знала, сколько времени уходит на проверку формы 8К. Юридические фирмы заставляли своих адвокатов измерять время в шестиминутных интервалах. Но это было нормой более десяти лет и два офиса тому назад. Теперь Слоун лишь иногда замечала за собой, что ведет учет своего времени:

1 час. – тарелка вегетарианского супа «фо»

2 час. – переписка с Дерекком и Эбигейл

1 час. – просмотр сайтов желтой прессы

4,5 часа. – пересмотр пресс-релизов и отчетов Комиссии по ценным бумагам

В этот момент завибрировал ее мобильный телефон. Звонил Дерек. Она ответила после второго гудка.

– Все-таки жива! – Слоун любила голос своего мужа. Она представляла, как тот сейчас склонился над кухонным столом и как его медные длинные волосы закрывают уши. На нем потрепанная футболка с надписью «Нирвана», – та самая, в которой муж был в день их знакомства и которую ей хотя бы раз в неделю хотелось украсть у него и натянуть на себя в постели.

Она обнаружила целых четыре пропущенных звонка...

– О, прости, прости, пожалуйста! Знаю, я хуже всех. Наверное, уже присматриваешь себе супругу получше?

Несколько лет назад Дерек ввел правило, согласно которому Слоун не разрешалось оправдываться за такие проступки занятостью на работе. Она же считала, что ее правила существуют как раз для того, чтобы время от времени нарушать их.

– Расслабься, – ответил он в привычной непринужденной манере. Нет, его работа тоже была связана со стрессами. Дерек работал учителем младших классов, а мальчишки девяти-двенадцати лет – сущий кошмар. Но это был другой вид стресса, и их не стоило даже сравнивать. – Просто позвонил, чтобы проверить, все ли у тебя хорошо. Ах да, я отправил заявку Эбигейл для избирательного марафона на следующей неделе и проверил, как она готова к фортепианному концерту. Таким образом, можешь вычеркнуть эти два пункта из своего списка.

– Ты знаешь, как я люблю вычеркивать, – сказала Слоун, просмотрев строчку на экране, которую пыталась прочитать уже в третий раз. Она напрочь забыла о заявке дочери. – Спасибо.

Наступила короткая тишина, и этого хватило, чтобы оба вспомнили, о чем спорили вчера вечером. Чем дольше они были женаты, тем легче было поставить «паузу» во время каких-нибудь разногласий и потом вспомнить о них позже, желательно до того как Слоун должна была непременно лечь спать. Но вот

опять! Словно легкий ушиб, о котором можно было вспомнить лишь то, как она его заполучила...

– Как там она? – спросила Слоун, а Дерек почти тут же ответил:

– Замечательно. Я наблюдал за ней с тех пор, как она вернулась домой.

Спор разгорелся как раз по поводу Эбигейл. И так постоянно, особенно в последние дни. В голове у Слоун звучали слова Дерека о том, что это вовсе не спор, не какая-то стычка, а просто разногласие. Все прекрасно, но Слоун любила гиперболы и, когда дело доходило до ее дочери, чувствовала, что наделена особым правом...

А началось все несколько месяцев назад. Эбигейл вдруг сделалась угрюмой. Перестала играть со своими куклами. Слоун как-то попросила ее почистить их, а в ответ дочь завопила – здесь Слоун немного перефразировала, – что все были бы счастливы, если она умрет...

Дерек думал, что Слоун отрегировала слишком резко. Он преподавал английский язык в седьмом классе, а это, если хотите, означало, что, как специалист по раннему развитию ребенка, он обладал в этой области определенной монополией. Но Слоун была монополисткой по Эбигейл. Она отвела ее к психологу, который заверил, что фаза «смерти и умирания» – совершенно нормальная часть развития ребенка.

– Говорю же тебе, Слоун, она совершенно нормальная, – повторял Дерек по дороге домой, словно у него за плечами имелась докторская степень по психологии.

Но потом, через несколько дней, Слоун увидела на экране телефона Эбигейл кое-какие сообщения. Шлюха. Сука. И всё в таком духе. Каждое слово ощущалось подобно пуле в груди. Никто не говорил ей об этом до тех пор, пока она сама не стала матерью. О том, что ваш встроенный иммунитет к таким вещам, как публичное оскорбление и конкурсы популярности, внезапно пропадал, когда кто-то нацеливался на вашего ребенка.

Она трясла телефоном Эбигейл перед лицом мужа и кричала:

– Нет, это нормально?! Разве это нормально, Дерек?..

Конечно, Дерек считал это ненормальным. Он знал имена всех одноклассников Эбигейл и приносил пончики для ее классных руководителей. Когда Дерек прочитал сообщения, то повел себя очень по-отцовски. Он и в самом деле сильно изменился.

В связи со случившимся Слоун хотела предъявить иск школьной администрации. Чтобы заставить их принять меры. И обеспечить надлежащую защиту. И грозила судом, если они не отнесутся к ней серьезно. Но местный школьный округ являлся заодно и работодателем Дерек. А значит, муж хотел, чтобы она «играла по правилам». Он использовал именно такие слова.

На собрании они выступили единым фронтом, и Слоун позволила Дереку высказать свою точку зрения, как он ее и попросил. На самом деле, даже настоял. Это было не очень хорошо.

По телефону она расслышала, как он царапает свой подбородок. После паузы она продолжила печатать – иначе было нельзя.

– Слоун, мне очень жаль...

Услышав негромкий стук в дверь, она крутанулась в кресле. В проеме стояла Арди. Черный блейзер и брюки выглядели более измятыми, чем обычно.

– Дерек, прости, но мне нужно идти. – Слоун услышала, как он вздохнул, и тут же почувствовала себя виноватой. – Люблю тебя.

– Ты сильно перерабатываешь, милая, – проговорил он, прежде чем повесить трубку, и Слоун знала, что он действительно переживает. Дерек даже часто отбирал у нее ноутбук после одиннадцати вечера, потому что прочитал где-то, что рассеянный синий свет крайне вреден для сна.

Слоун переложила телефон к другому краю клавиатуры.

– Давно там стоишь?

Арди вошла и оперлась руками о спинку кресла Слоун.

– Достаточно долго, чтобы понять, что тебе пора домой. – Она протянула ей коричневую папку-гармошку. – Здесь жалобы в связи с неправильным налогообложением по заводской площадке в Уэйко. Прости, что подкинула тебе новую работенку. Но если это как-то тебя взбодрит, то сама я даже не приступала к анализу налоговых моделей при приобретении абонентских ящиков.

Слоун швырнула папку на стол. Бабах. Ей вот уже как пару недель хотелось поговорить с Арди. С тех пор как стало ясно, что крошечная тайна, которую она бережно хранила и не сообщала подруге, потихоньку превращается в долгосрочную проблему. Хотя, впрочем, сегодняшний день явно не располагал к тому, чтобы все усложнять. Конечно, со стороны это походило на оправдание, но если разобраться, то все же нет. Скорее на стратегию...

– Слышала, что отдел продаж взял выходной – из-за кончины Бэнкоула... Представляешь? – проговорила Слоун.

Арди округлила глаза.

– Послушай, ты не должна все так принимать всерьез. Эмоции тех, кому еще нет тридцати, можно понять. – Она прижала ладони одну к другой, словно во время медитации. – Естественно, они не умеют одновременно и работать и что-то чувствовать. Не суди их строго, ладно?

Одной из лучших черт Арди было то, что она умела вовремя превратиться в зануду. Слоун была твердо убеждена, что женщины не могут стать настоящими подругами, если не обсуждают вместе какие-нибудь пакости. Что-то вроде кровавого пакта, только без привлечения холодного оружия.

– Я... ну, в общем, прости. – Слоун приложила ладонь к сердцу, обиженно надула губы и нахмурилась. По крайней мере она надеялась, что у нее так и получилось. Слоун совсем недавно начала ботокс-процедуры – все-таки ей слегка перевалило за сорок! – и не была абсолютно уверена, что ее лицо выглядит так же, как и раньше. – Будь они поумнее, то попытались хотя бы выяснить, кто станет следующим генеральным директором.

– Будь они поумнее, они озаботились бы состоянием своих фондовых опционов!

– Думаешь, назначат генерального со стороны? – спросила Слоун.

– Я знаю не больше твоего. Вообще, назначение какого-нибудь новичка – дело непростое и потребует времени. Так или иначе. – Арди вздохнула. – Если я не успеваю забрать Майкла из детского сада, то с меня взимают по доллару за каждую минуту опоздания. Это значит, что мне уже пора... – Она посмотрела на часы. – Уже и так натекло... хрен знает сколько долларов.

– А я-то думала, что ты уже научилась считать. Зря, что ли, тебе здесь столько платят?

– Ох, не говори! Но я назвала тебе довольно точную сумму, поверь!

Их разговор вдруг резко прервался.

В дверном проеме стояла Кэтрин со свитером, перекинутым через руку. Она посмотрела куда-то в пространство между Арди и Слоун.

– Если не возражаете, то я, наверное, пойду домой. Уже вечер...

Она застенчиво поправила локон волос за ухом. Странно, подумала Слоун, потому что волосы Кэтрин были слишком коротки, чтобы куда-то их подворачивать. Это как ложное ощущение ампутированной конечности. Хочешь дотронуться, нащупать, а там... ничего нет.

Несмотря на справедливое негодование по поводу остальных сотрудников, Слоун почти забыла о Кэтрин. Она не знала, как поступить с ней в первый рабочий день. Кэтрин была симпатична, поэтому Слоун должна напоминать себе о том, что ее новая сотрудница ей нравится. Чем старше она становилась, тем больше хотела, чтобы молодые и симпатичные женщины ей не нравились. Ужасное качество, но пока Слоун удавалось подавлять его в себе.

Она улыбнулась.

– О да, конечно, отправляйтесь домой, а завтра зайдите и напомните мне, что такое дом и на что он похож. Действительно ли там так хорошо? Там есть кровати? И подушки? Не там ли люди хранят свои пижа... – Она осеклась, заметив чью-то длинную тень в коридоре. Встала из-за стола и, не надевая туфли, подкралась поближе к дверному проему, чтобы выглянуть за дверь. – Кто это там прячется?

В этот момент в дверном проеме появилась голова Эймса.

– Это всего лишь я, – сказал он и смущенно откашлялся. Помахав Арди, кивнул Слоун. – Вот, пообещал Кэтрин вытащить ее в бар. Так сказать, в качестве дружеского приветствия. Порасспросить о ее прежней работе... ну, в общем, как-то так.

Пообещал. Это слово так и зазвенело в голове у Слоун. В его устах оно прозвучало как-то уж слишком по-отечески...

Слоун понимала, что должна что-то сказать. Но в данный момент она соображала довольно медленно. Сегодня и так много чего произошло. Сегодня умер Десмонд. Меньше чем двенадцать часов назад. Его тело, наверное, еще не остыло, а Эймс уже ведет новенькую в бар. Разве так правильно? Но сейчас они стояли напротив, ждали чего-то, и – да! – ей вовсе не слышалось. В этом она была уверена. Эймс собирался вести Кэтрин выпить. Сегодня вечером.

Тут Слоун кое-что вспомнила.

Спокойное предупреждение от своего прежнего руководителя, Элизабет Моретти, в фирме «Джексон Броквелл», в тот день, когда она объявила о своем уходе в «Трувив». За два года, которые Слоун проработала в «Джексоне», Элизабет лишь дважды приглашала ее для приватной беседы, и каждый раз на лице ее читалось: «Я старше, чем ты, я мудрее и уже многое повидала в этой жизни». В тот день она посмотрела на Слоун и сказала:

– Остерегайся Эймса Гарретта.

И всё. Коротко и ясно.

Что ж, правильно. Слоун не забыла о предупреждении и в свой первый день работы уверенно пожала руку Эймсу. А шесть месяцев спустя закрутила с ним роман...

Эймс пристально наблюдал за ней. Арди – тоже. А Кэтрин поглядывала поочередно на всех, как будто пытаясь разгадать, что здесь вообще происходит. Слоун опустила взгляд на стол. Там были разложены записки с напоминаниями о срочных звонках. Об электронных письмах, которые нужно написать. Слоун зажмурила глаза. Это был знак, что сейчас она выкинет какую-нибудь глупость.

– Отличная идея, – сказала она. – Я только захвачу свою сумочку.

Эймс и Кэтрин уставились на нее. Она ведь не сказала напрямую, что собирается присоединиться к ним.

Эймс выглядел удивленным.

– Я думал, у тебя полно работы...

– Работа никуда не денется.

Она тоже могла насладиться временной амнезией.

Голова Эймса медленно качнулась.

– Что ж, хорошо, – сказал он. – Тогда встретимся у лифта.

И дважды хлопнул по двери, прежде чем удалиться в сопровождении Кэтрин.

Арди повернулась к Слоун.

– Ты уверена?

Она закатила глаза и развела руками.

– Нет. Конечно, не уверена, Арди.

– Тогда скажи мне зачем?

– Ну, ты-то знаешь...

Арди скрестила на груди руки и выжидающе подняла бровь.

– Не знаю, – раздраженно проговорила Слоун. Указав на выход, она понизила голос: – Наверное, хотела бы в этот раз предотвратить резню жертвенного ягненка. Видела, как она носилась вокруг? С короткой стрижкой и лицом, как у куклы. Такая счастливая... – Она вытащила свою сумочку и забросила через правое плечо. – Не знаю, это всего лишь выпивка. Что она себе вообразила? В общем, я пошла. – И помахала ладонью перед скептическим лицом Арди.

– Ладно, – сдалась та. – А я тогда призову твою карму и замолвлю за тебя словечко.

Опустошенная Слоун закрыла глаза. Она знала, что стоило лишь попросить, даже намекнуть, и Арди тут же отправилась бы вместе с ней. И неважно, что надо было срочно забирать ребенка из сада. С подругой Слоун крупно повезло.

– Из твоих уст, – проговорила она, – это многое для меня значит.

На долю секунды сжала запястье подруги. У них в шкафу до сих пор хранилась наполовину выпитая бутылка джина – с прошлого раза, когда они пытались спасти от чар Эймса Гарретта еще одну женщину. Только в прошлый раз той женщиной была Слоун...

Мессенджер компании «Трувив»

21/16—16:31

Получатель: Слоун Гловер

Отправитель: [Заблокирован]

Шлюха...

Сука...

П... да

Глава 5

20 марта

Как мало слов мы обычно произносим друг другу в лифте! Заходим в кабину, распространяя свежий аромат шампуня и жидкости для полоскания рта. Мягкий толчок снизу, и нас уносит вверх, на нужные нам этажи. И всякий раз, когда распахиваются двери лифта, открывается портал в совершенно другой мир...

Прежде чем нажать на кнопку, мы научились сортировать друг друга между соответствующими этажами. Маркетинг? Добро пожаловать на восьмой этаж, на кладбище бывших чирлидеров, которые до сих пор не решили, надо ли проходить магистратуру. Менеджер отдела продаж на двенадцатом? Мы тут же замечали новый маникюр, когда она водила пальцем по экрану смартфона, а также перекинутую через плечо дизайнерскую сумочку. Все это явно намекало на то, что год сложился для нее весьма удачно. Мы могли бы спокойно спросить у координатора отдела разработки нового продукта, где та раздобыла себе новые очки. Или уступить место женщине в черном костюме, которая вошла после нас и решительно нажала на кнопку с номером «пятнадцать».

Но что мы на самом деле знали друг о друге? Мы были отделены сталью и бетоном этажей, окон и перегородок. Наши вселенные казались разъединенными, они плыли в этом пространстве сами по себе, лишь иногда натываясь друг на друга. Ну, или так нам всем казалось.

Требовалось лишь сесть в лифт, а потом постучать в дверь, ведущую в другой мир, чтобы узнать, как переплелись наши истории, как тесно мы связаны друг с другом.

Примерно так и произошло, когда Розалита и Кристал стояли у кабинета на пятнадцатом этаже. Кристал, новенькая, прислушалась и озабоченно прошипела:

– Там кто-то есть.

Словно обожженная, она отшатнулась от двери. Розалита медленно выдохнула, но это никак ее не успокоило.

На часах было 21:20. Уборщицы Розалита и Кристал ходили по затемненным этажам, пылесосили ковролин, опустошали мусорные ведра, вытирали полки и столы, меняли туалетную бумагу. Окна в кабинетах представляли собой плоские черные дыры, выходящие в темноту. Автоматические лампы в коридоре освещали пространство, на котором в данный момент работали две женщины. После того как они двигались дальше, свет отключался.

Обычно такой свет беспокоил Розалиту. Он заставлял ее почувствовать, что она находится в центре внимания, что за ней наблюдают. Хуже того, иногда ряд ламп в конце коридора начинал мерцать, и она застывала на месте, с замирающим сердцем ожидая, что там вот-вот кто-то появится. Когда никто так и не появлялся, Розалита продолжала работу, но каждые несколько минут настороженно оглядывалась через плечо.

– Наверное, моль, – объяснила как-то ее начальница. Это было несколько лет назад, когда Розалита устроилась сюда уборщицей. А за пару месяцев до этого ее дядя привез их с сестрой сюда из района Долины.

В какой-то момент текущие заботы постепенно вытеснили ее страхи.

– Замечательно, – сказала Розалита, отмечая в списке галочками кабинеты, уборку которых они закончили. Будет хорошо, если на планерке ее вернут на привычные этажи. Здесь, говорят, умер кто-то из начальства, и скоро придется убирать его кабинет. Розалита не хотела в этом участвовать.

– Мне постучать? – спросила Кристал.

Розалита подошла, дважды постучала по открытой двери и, не дожидаясь ответа, решительно вошла в кабинет пятнадцатого этажа. Схватив пепельницу и мусорные корзины, понесла их в коридор.

Молодых еще учить и учить, как надо работать...

Розалита давно поняла: для того чтобы тебя никто не замечал, не нужно ходить на цыпочках. Это как раз больше всего привлекает внимание и создает всякие неудобства. Нет, здесь главное – быстрота и решительность. Это позволит остальным расслабиться и спокойно заниматься своей работой. Как будто тебя и вовсе не существует.

Розалита вытряхнула мусор в передвижной контейнер и, сменив пластиковые мешки на корзинах, вернулась в кабинет. В этот момент белокурая женщина оторвала глаза от монитора.

– Ну, и как проходит вечер? – дружелюбно спросила она Розалиту.

Розалита поставила мусорные корзины и сняла резиновые перчатки.

Она узнала фигуристую блондинку. Слоун Гловер. Имя женщины было выгравировано на серебристой табличке на внешней стороне двери. Своей внешностью она напоминала ведущую ток-шоу: всегда элегантная и подтянутая. И абсолютно соответствовала типу белой женщины, бесследное исчезновение которой наверняка вызвало бы целую бурю в мировых СМИ.

– Хорошо, мисс, – ответила Розалита. – А вы как?

Женщина вздохнула и откинулась в кресле.

– Как сказать по-испански «погано»?

Розалита весело фыркнула.

Слоун резко подняла голову.

– Простите. О господи... – Она покачала головой и прижала пальцы к вискам. Сегодня эта женщина уже не казалась подтянутой и элегантной. Розалита заметила, что у нее покраснелись глаза. Весь экран занимала страничка с сайта какого-то онлайн-магазина. – Совсем не то хотела сказать. Ну не идиотка? Наверное, грубо выразилась... – Слоун посмотрела Розалите прямо в глаза. – Вечер слишком затянулся. Хотя это все равно не оправдание.

Она вдруг подняла руку, словно кто-то хотел ее ударить.

Розалита терпеливо ждала, пока женщина по имени Слоун закончит свою речь. Ей, видимо, хотелось многое сказать, и все эти слова, казалось, должны прозвучать одновременно.

– De mierda, – ответила Розалита.

– Что, что?

– Ну, «погано». De mierda. – Она нахмурилась. – Ну, или... no vale mierda. De pura mierda. На ваш выбор. – Розалита пожала плечами. Она не понимала, почему Слоун боится, что оскорбила ее. У Розалиты были темные волнистые волосы и бронзовая кожа. Говорила она с сильным акцентом. И кроме того, до двенадцати лет жила в Гуанахуато. Несомненно, в какие-то моменты Розалите не нравилось, если ее просили что-то сказать по-испански. Главным образом, когда такая просьба исходила от мужчин. Но в других случаях она не обижалась, как некоторые из девушек помладше. Это требовало слишком много энергии.

Слоун благодарно улыбнулась.

– De mierda, действительно! Спасибо. – Ее взгляд ненадолго вернулся к экрану, затем к Розалите; глаза потускнели. – Мне очень жаль, – снова извинилась она, и это произошло во второй раз, менее чем за пять минут.

Розалита поняла, что разговор закончен. Она не обижалась на Слоун, которая еще несколько часов назад должна была пойти домой.

Возвратившись в коридор, уборщица пометила галочкой кабинет Слоун в своем списке.

– Возьми из холодильника бутылку воды и отнеси мисс Гловер, – велела она своей напарнице. – А я займусь следующим кабинетом.

Кристал направилась к холодильнику. Она была молода и, возможно, беременна, предположила Розалита, хотя если и так, то пока скрывала свое интересное положение под мешковатой спецовкой.

Розалита медленно толкала перед собой тележку с моющими средствами и прочими аксессуарами для уборки. Как человек, который видел такое раньше много раз, она могла с уверенностью сказать, что сегодня вечером Слоун Гловер просто пьяна...

* * *

<форматирование как в мессенджере – сообщения выравниваются по двум уровням>

Арди Вальдес

Итак... как все прошло? Что удалось узнать? О чем она рассказывала?

Грейс Стентон

Как что прошло? О чем мы говорим? Про кого ты?

Арди Вальдес

Прошлым вечером Слоун выпивала вместе с Эймсом и Кэтрин. Кэтрин – это та молоденькая женщина, которая присутствовала на совещании. По-видимому, новенькая. Эймс нанял ее, не предупредив Слоун.

Грейс Стентон

Прости, не совсем в курсе. Пила... с Эймсом? В самом деле?

Слоун Гловер

Простите! Я на месте. Как раз еду в офис. Ну, в общем... Да, пила с Эймсом. Да ничего особенного. Был просто паинькой. Кэтрин... Ну, да. Подумать только! Выставка собак в Вестминстере. Гарвардская школа права. Работала в какой-то мелкой конторе. Вроде «Фрост Кляйн». Родом из Бостона. В ней не так уж много «южного тепла», если ты понимаешь, о чем я. С ней непросто поладить. Черт, я тону, проваливаюсь куда-то... Благодаря Тине Фей, она милашка.

Арди Вальдес

Эй, а почему все администраторы собрались у экрана Беатрис? Все говорят о какой-то электронной таблице. Разве кто-то заполучил крупный эксель-проект?

Грейс Стентон

Не знаю, но слышала, что новички обсуждали вчера какую-то электронную таблицу. Что-то по поводу скользких типов в Далласе. Забыла тебе сказать. У кого-нибудь есть батончик «Клиф»? Есть хочется.

Арди Вальдес

Нет, прости. У меня в столе есть пакетик «Санчипс». Так что заходи и угощайся.

21 марта

Мы всегда искали себе идеального мужчину. Даже те из нас, кто не придерживался традиционного, гетеронормативного подхода, тем не менее увлеченно предавались таким антропологическим поискам. Женатого или свободного. Мы либо искали его, либо пытались вылепить из того, что уже имели. Идеальный образец мужчины должен был содержать следующий набор признаков:

Он делился с вами едой и неизменно заказывал десерт. Когда мы рекомендовали ему какую-нибудь книгу, он тут же ее покупал, не советуясь с приятелем. Его не нужно было учить, как складывать сумку с подгузниками. Он был благородным южанином, а его мать с Восточного побережья потакала его неуклонно прогрессирующей чувствительности. Слова «я тебя люблю» он произносил через два с половиной месяца знакомства. Он не напивался. И умел разбираться с налогами. Он никогда не подвергал сомнению наши феминистские идеалы, когда мы отказывались давить тараканов или менять масло в машине. Он не садился, чтобы обуться. У него было достаточно средств на пенсионном счету. Он активно выступал за гормональные контрацептивы. Испытывал некоторую неловкость по отношению к бритью женщинами подмышек и более интимных мест, но не решался спорить на эту тему. Минди Калинг[1 - Минди Калинг (наст. Вера Минди Чокалингем, р. 1979) – американская актриса комедийного плана.] он считал смешной. Ему нравилось швыряться подушками. Ему было наплевать, если вдруг оказывалось, что мы зарабатываем больше. Ему нравились женщины его возраста.

Мы были разумными и иррациональными, циничными и наивными. Но мы всегда были на охоте.

Конечно, наша история не об идеальных мужчинах, но Арди Вальдес, к сожалению, не знала этого, когда на следующий день после безвременной кончины Десмонда вдруг засветился экран ее мобильного. Пришло очередное уведомление с сайта свиданий.

Боже, оказывается, такие вещи до сих пор ее будоражат... Ее телефон очень долго вибрировал. Ей даже стало жаль, что она не сэкономила на этой секс-игрушке для разведенков.

Арди взглянула на экран:

Ты в огне. У тебя 1 новое сообщение.

Рядом с текстом даже появился значок пламени, словно приложение разработали специально для того, чтобы напомнить Арди, что она уже слишком стара, чтобы ходить на свидания. Теперь это был мир эмодзи, и Арди просто жила в нем.

Она пришла в компанию на полтора года раньше Слоун – такой же скептически настроенной женщины, на которую трудно произвести впечатление, но которая гораздо лучше одевалась. Слоун нравилось повторять, что, если б не ее порванная узкая юбка и не швейный набор Арди, они, наверное, никогда не стали бы подругами. Но Арди знала, что это не так. На самом деле Слоун умела подбирать себе подруг. И вскоре Арди выяснила, что у нее был и свой швейный набор, который она хранила в ящике стола. Арди так и не призналась ей, что узнала...

Она готова была признать, что тогда жизнь была намного ярче. Куча всяких возможностей и глупых историй. Только потом она превратилась в нынешнюю Арди, сорокадвухлетнюю разведенку.

В прошлом году в «Старбаксе» она наконец набралась мужества сказать Слоун, что решила уйти от своего мужа, Тони. «С ним спит другая женщина, – проговорила Арди в типичной для себя сардонической манере. – Так что полагаю, теперь он принадлежит ей».

Слоун впала в ярость:

– Да как он только мог?! А что же теперь будет с Майклом? С домом?

Но Арди лишь повернулась к подруге, вручила ей ванильный латте и произнесла:

– Не надо...

Подтекст был ясен: нет, не надо, не начинай.

После этого между ними установились еще более теплые отношения.

Об отношениях Слоун и Эймса она знала давно. Они со Слоун все-таки исповедовали разные принципы. Для Арди лучшая подруга была прежде всего человеком, а не представителем социального класса. Когда Слоун заговорила с ней о своих лучших подругах, оказалось, что Арди здесь, по сути, нечего ей противопоставить. У нее не было лучшей подруги в средней школе, в колледже, на юридическом факультете или, скажем, на работе. Но с помощью двух слов – «не надо» – Арди убедила свою единственную лучшую подругу, что та должна остановиться, что они не станут больше об этом говорить, что ей не разрешается переживать по поводу мерзкого существа, которым оказался муж Арди.

Поскольку, как им обоим было хорошо известно, Слоун тоже была «другой» женщиной. С другим мужчиной, естественно, но что это меняло по сути? Она относилась к категории. К целой социальной прослойке. К тем людям, на которых по умолчанию лежит комплекс вины...

Удивительно, но даже сейчас, даже в собственном понимании, Арди затушевывала собственную роль в этой истории. Эту тайну она запрятала так глубоко, что при соответствующих воспоминаниях та проявлялась лишь в форме ничтожного повышения пульса. Пустота. Ложь.

Но какое теперь это имело значение? Они ведь уже прошли через такое. На самом деле шесть недель назад Слоун настояла, чтобы Арди непременно подписалась на Match.com. Та, что вполне типично, в очередной раз потворствовала капризам подруги. Она даже как-то вечером после работы разрешила Слоун набрать свой профиль в онлайн. А утром Слоун представила его ей, словно новенькую машину.

– Дерек сказал мне, что я слишком назойлива, – проговорила Слоун и принялась описывать, как заполняла данные профиля, лежа в постели с мужем. – Но разве он что-нибудь в этом смыслит? (А, кстати, что мужики понимали в сводничестве? Для нас это всегда было чем-то вроде олимпийского вида спорта, в то время как они копили себе подружек-одинок, словно хотели запастись ими на случай

мирового апокалипсиса.)

У Арди не хватило духу сказать Слоун, что Match.com больше никого не интересует и что лично она использует для такой цели три приложения из «Эппстора». Но она ценила вторжение Слоун в ее новую – новую до сих пор, даже через четырнадцать месяцев после развода – жизнь намного больше, чем делала вид. Мнение подруги все-таки важно.

Арди взяла со стола смартфон. Пиктограмма мужчины, который послал ей электронное сообщение, выглядела многообещающей. У нее даже екнуло сердце. Пока ей нравилось. Это было похоже на распаковку небольшого подарка.

Здравствуйте. Меня зовут Колби. Я обыкновенный парень. Люблю рыбалку, ношу джинсы, но клянусь, что у меня есть работа. Я продаю гранит, камень и другие виды стройматериалов. Наверное, вам все это покажется до безобразия занудным, но теперь вы знаете, что я ничего не приукрашиваю. По выходным гуляю с собакой вокруг озера Уайт-Рок, с удовольствием смотрю кое-какие шоу на «Нетфликсе». Был женат. Детей нет, к сожалению.

Сообщите, если захотите встретиться.

Всего,

Колби

P. S. X/O, ППЖ.

Арди дважды прочитала сообщение. Обычно «простые парни» ее не привлекали, но прямоу Колби она оценила. И разве она не могла представить, что учится ловить рыбу? Разве Майклу не понравилось бы?

Арди не знала, что означал постскрипtum. Сейчас при назначении онлайн-свиданий никто не соблюдал никаких правил. Она набрала первый акроним в область поиска.

Ответ появился быстро: хорошо обеспеченный.

Голова Арди качнулась. Ну, надо же, Колби. Чувство разочарования еще не улетучилось. Ей и Слоун нравилось высмеивать представителей поколения «игрек», и вообще эти онлайн-свидания научили Арди тому, что у молодежи выработалась странная модель жизнестойкости: для некоторых вещей они просто непроницаемы, зато абсолютно открыты и уязвимы для всего остального.

Она ввела второй акроним в поле браузера. ППЖ.

Поклонник полных женщин...

Арди, поджав губы, покосилась на выпуклости над талией, которые уже нельзя было скрыть приталенным пиджаком; затем, как будто для справки, пристально посмотрела на фотографию в своем профиле.

Да, она располнела, но не это ее волновало. Арди была больше обеспокоена тем, как незаметно все произошло. Как будто ее собственное тело в одночасье изменилось. А все потому, что она жила одна, и никто, кроме нее самой, не мог отследить такие перемены. И не то что справедливым, а скорее даже жестоким было то, что Арди еще до тридцати лет прошла через все агонии ритуала свиданий, через целую кучу мужчин, которые приходили и уходили. Она выбирала его, а он – ее, и это, как водится, означало, что она не должна волноваться о таких вещах, как полнота, потому что на тот момент для ее избранника они ровным счетом ничего не значили. Ей было хорошо. И так до тех пор, пока все не закончилось...

Арди закрыла глаза. Попробовала отгородиться, выбросить все из головы. Но мысли уже прочно засели там, просачиваясь в сознание, словно туман через окно.

Она скучала по своему мужу. Или по замужеству. Арди не могла точно сказать, что понимает, в чем именно разница. Она помнила, как они вместе болтали, когда муж принимал душ. Ей нравилось вместе смотреть телевизор. Единственному человеку на свете, которому так же, как и ей самой, было на этот счет не все равно, ей нравилось подробно рассказывать обо всех маленьких, забавных и удивительных вещах, которые в тот день сделал – или натворил – их сын Майкл. Нравилось просыпаться в середине ночи и чувствовать рядом тело

мужа.

Она скучала по всему этому...

* * *

В офисной кухне недавно сделали ремонт; стильная отделка – матовые зеленоватые стены и панели из камня, техника из нержавеющей стали, которой Арди не стала бы хвастаться в собственном доме. Фирме «Трувив» было присуще нечто вроде психологического комплекса. По местным меркам, это была довольно крутая компания, но в Остине или Портленде она была бы еще круче. Здесь был хороший, но не показной спортзал с неплохим выбором групповых курсов. В конце концов, это ведь был спортивный бренд. Тут культивировались здоровый образ жизни и стремление к самосовершенству. Курить за пределами здания было запрещено (для любителей подымить предназначалась парочка специальных курилок-балконов), а под пиджаками мужчинам рекомендовалось носить обтягивающие фирменные футболки и поло. В общем, вполне по-спортивному, но с достоинством, особенно здесь, в Далласе, где никто никогда не сходил с ума по таким увлечениям, как настольный футбол и зерновые батончики, свойственные офисам с открытой планировкой.

Арди вытащила из ящика керамическую кружку. В прошлом году компания закупила кофемашины «Кериг». Арди выбрала себе капсулу с ароматом пекана и вставила в аппарат. (О, как мы любили всякие бесплатные штуки вроде К-капсул и дезинфицирующих салфеток, как благодарили бога за сумки, в которые можно все это запихать...) Дома Майкл любил возиться с кофеваркой «Кериг». Кстати, через несколько недель ему исполнится четыре года, и Арди как раз занималась тем, что «развешивала» картинки с вечеринок по случаю дня рождения и спрашивала себя, относится ли она к тому разряду матерей, которые обожают строить игрушечные города из картонных коробок. Вот новая супруга бывшего мужа, Брейли, была именно таким персонажем...

Что это вообще за имя такое – Брейли? Кстати, она не так уж и молода. Тридцать девять лет. Как отвергнутая жена, Арди чувствовала себя вправе поглумиться над новой пассией своего бывшего. Назвать ее, к примеру, тупым кроликом, да как угодно... Но Брейли работала в сфере прямых инвестиций, и она не была ни молодой, ни, тем более, тупой, и это раздражало Арди еще сильнее.

И, кроме того, Брейли собиралась явиться к ней на день рождения ее сына...

У Арди еще теплилась слабая надежда, что до того, как наступит этот день, она все-таки найдет себе достойную кандидатуру для свиданий. Вот именно! Ко дню рождения сына!

Когда кофемашина ожила, Арди увидела, как на кухню вошла Кэтрин. Осанка у нее, конечно, безупречная. Но разве безупречная осанка предполагает короткую стрижку? Арди натянула вежливую офисную улыбку и махнула рукой.

– Ну, как устроились?

Сине-белый свет холодильника осветил щеки и нос Кэтрин.

– О! Гм... прекрасно. Спасибо! – Кэтрин сунула внутрь руку и достала банку с бескалорийной колой. – Здесь как-то всё по-другому...

– Ну, конечно. – Арди уже едва помнила те времена, когда не работала в «Трувив». Даже во время учебы на юрфаке она понимала, что хорошо бы как можно скорее уйти с фирмы и начать что-то свое. Оплачиваемые часы уж точно не для нее. – Перемены – это только к лучшему. Пусть даже и небольшие.

– Возможно.

– А дети у вас есть? – спросила Арди. На работе многие могли казаться ворчунами и грубиянами, но стоит завести разговор о детях, и они внезапно обретали человеческие лица.

Кэтрин начала выдвигать ящики в кухне – видимо, искала что-то; Арди так и не поняла, что именно.

– А вы считаете, об этом удобно спрашивать? – после некоторой паузы переспросила она.

– Я... думаю, да. Почему нет?

– Ну, что же. В таком случае, детей у меня нет. – Кэтрин отыскала бумажную салфетку, завернула в нее алюминиевую банку и задвинула ящик на место. – И, кроме того, я не замужем, – едва улыбнувшись, добавила она.

Арди откашлялась.

– Я тоже. Тогда, полагаю, остается лишь обсудить религиозные предпочтения и сексуальную ориентацию, не так ли?

Кэтрин искоса посмотрела на нее, моргнула и негромко рассмеялась. Затем потеряла виски.

– Ой. Простите, – проговорила она и покачала головой, как будто смутившись.

Позади нее открылась дверь, и послышался стук обуви – явно мужской – по плитке.

– Дамы...

Эймс проплыл мимо Арди, направляясь к большому кувшину с «зоологическими» крекерами на дальней стойке. Арди была все-таки склонна замечать наиболее тривиальные человеческие черты Эймса Гарретта. Например, пучки седых волос на запястьях. Или складки дряблой кожи между челюстью и шеей...

– Как тебе понравился «Сейвор»? Неплохое заведение, не правда ли? – спросил он Кэтрин, откинув голову, чтобы сунуть в рот крекер. – Арди, привет, – поприветствовал он, словно спохватившись в последний момент. – А я даже знаю владельца. – И принялся жевать, поглядывая на Кэтрин.

– Да, спасибо, что вытянули меня туда, – ответила та. – Замечательно, что уделили мне свое время.

Эймс жевал слишком громко.

– А я еще толком и не знаю здесь хороших мест, где можно было бы перекусить, – закончила Кэтрин с вежливым поклоном. Слоун, конечно, права – она держалась неестественно, походила на женщину, которая пытается

добиться к себе серьезного отношения. Арди давно сделала для себя вывод, что для молодых и симпатичных выкроить себе местечко не только за счет своей внешности представляло трудную задачу.

– Держись меня, детка. – Вокруг глаз Эймса собрались морщинки. – И зайди днем ко мне в кабинет. Обсудим следующие шаги. Как насчет этого, не возражаешь? Кстати, твой кофе готов, – сказал он Арди, хватая из холодильника колу. Потом прошел мимо, задержавшись лишь на долю секунды. – И, Кэтрин, верь только хорошим вещам, которые она говорит тебе обо мне.

После того как закрылась дверь, из коридора послышался сдавленный смех.

Арди бросила взгляд в сторону кофеварки, отчаянно пытаясь сохранить спокойствие. После ухода Эймса на кухне еще долго стояла тишина.

– Ну, что же, – проговорила она через некоторое время, стремясь как-то разрядить обстановку. – Если вам что-нибудь понадобится, обращайтесь без колебаний.

Арди повернулась, чтобы уйти; сзади тянулся пар от ее кружки с кофе.

У двери ее остановила Кэтрин.

– У вас нет случайно таблетки «Адвила»? – спросила она. – Простите, кажется, меня вот-вот накроет мигрень. Иногда со мной такое бывает. Вы, случайно, не знаете, есть ли здесь вообще какие-нибудь обезболивающие?

Арди смягчилась. В подростковом возрасте у нее случались мигрени. Просто кошмар. В такие минуты ей приходилось тугο. Хотя, раз уж об этом вспомнилось, может, она все-таки выпила больше одного бокала вчера вечером? Когда она вернулась в офис, Слоун ничего ей не написала, и Арди быстро заснула.

Слоун обещала, что будет всего один бокал...

– Верхний левый ящик, – показала Арди, пристально посмотрев на Кэтрин; та, прижав пальцы ко лбу, облегченно выдохнула.

Некоторое время Арди молча наблюдала за Кэтрин, когда та, сморщившись, откручивает крышку бутылочки «Адвила» с защитой от детей.

– Кэтрин, – сказала она, не в силах сдержать внезапный порыв хоть в чем-то опередить Эймса. – В выходные я отмечаю день рождения моего четырехлетнего сынишки. Там будут Слоун и Грейс. Хотите приехать тоже?

Выдержка из показаний

26 апреля

Мисс Шарп: Пожалуйста, сообщите свое имя.

Респондент 2: Адриана Вальдес.

Мисс Шарп: Сколько вы работаете в этой компании, мисс Вальдес?

Респондент 2: В «Трувив» я работаю чуть меньше двенадцати лет.

Мисс Шарп: Впечатляет. А давно ли вы знакомы с Кэтрин Белл?

Респондент 2: Думаю, около двух месяцев.

Мисс Шарп: Какое у вас сложилось впечатление о мисс Белл после знакомства с ней?

Респондент 2: Она достаточно приятна. Она молода, и показалась мне умной, амбициозной. Мне показалось, что я ее понимаю.

Мисс Шарп: Вы могли бы сказать, что за те два месяца подружились с мисс Белл?

Респондент 2: Не уверена.

Мисс Шарп: Можете уточнить?

Респондент 2: Мне казалось, что мы подружились. Однако потом обнаружились кое-какие вещи.

Мисс Шарп: Можете выразиться более определенно?

Респондент 2: Ладно. Кэтрин солгала.

Глава 7

21 марта

Было время ланча, и Слоун едва не опоздала на персональную тренировку с Оксаной. Она забежала в кабинет, чтобы забрать спортивную сумку и папки, которые еще утром намеревалась передать Кэтрин. В баре та произвела впечатление сотрудницы, которой не терпится поскорее окунуться в работу, как будто она только об этом и думает. Ей хотелось вникнуть в детали всех сделок, над которыми работала Слоун; Кэтрин расспрашивала, как та начинала свою карьеру, интересовалась организацией корпоративной юридической структуры. Те же вопросы она задавала и Эймсу. А тот сразу же принялся пичкать ее байками о высокорискованных сделках, которые заключались буквально в самый последний момент.

Я так хочу быть похожей на вас. Неужели Кэтрин произнесла это, как раз когда Слоун взяла несколько мятных подушечек из тарелочки на стойке администратора? Они заказали по два, а может быть, по три бокала. Почему она согласилась столько выпить? Наверное, это все Эймс, его влияние. И потом, Кэтрин сидела очень близко, и Слоун постоянно ощущала рядом ее лицо. Возможно, она ослышалась; она не хотела просить ее повторить комплимент. Что ж...

Теперь кабинет Кэтрин был пуст, и Слоун почувствовала сильное облегчение.

Она остановилась у толстой стеклянной стены кабинета Грейс. Предполагалось, что стекло должно усиливать корпоративный дух в офисах открытой планировки, но на самом деле такая концепция, конечно же, весьма ограничивала частную жизнь и лишала известного уединения. Дверь кабинета Грейс находилась всего в нескольких шагах от кабинета Кэтрин...

Слоун постучала.

– Не видела Кэтрин? – спросила она.

Грейс подняла голову.

– О...

С тех пор как она вернулась на работу из декретного отпуска, ее кожа выглядела серой, словно Грейс заболела или всю дорогу проторчала в подземном бункере. Правда, сама Слоун никогда об этом не говорила. Однажды ей, правда, пришлось объяснить Дереку, что сказать женщине, что та выглядит «усталой» – все равно что заявить, что она плохо выглядит. Даже ужасно. Поэтому не стоит так делать.

– Она у Эймса. – Грейс продолжала что-то набирать на клавиатуре. – Как там Эбигейл?

Слоун посмотрела в коридор, в сторону закрытой двери в кабинет Эймса. Что они там делают?

Расстроившись, она покачала головой. В конце концов, Эймс – это их босс. Вот и всё. Он начальник над всеми адвокатами в юридическом отделе. Но раз так, то Слоун знала, что могло произойти за закрытой дверью его кабинета.

Она снова нырнула в кабинет Грейс.

– Прости, что ты сказала?

– Я спросила, как дела у Эбигейл.

В последнее время Слоун отвечала на такие вопросы весьма уклончиво. Она представила, как рассказывает Грейс о том, что сегодня Эбигейл впервые взбрыкнула и выпучила на нее глаза. Из-за какой-то тарелки с овсянкой. Надо же! На свою суперкрутую и суперзабавную мать! В ответ Грейс, наверное, добродушно рассмеялась бы и сказала: «О господи, как же быстро они растут, верно?» Только это все чушь, потому что Эбигейл росла не быстро. Она росла медленно. Иногда до боли медленно. Она и ходить-то начала только в полтора года. А в десять все еще любила смотреть канал «Дисней» и шить цветные прихватки. Она любила помечтать, а еще сесть на корточки и гонять палками мокриц по земле. Слоун была уверена, что новая, сумрачная Эбигейл решила в полный голос заявить о себе сразу после инцидентов в школе, после тех противных, ужасных текстовых сообщений. Это что, просто совпадение?..

Она слишком остро реагировала на происходящее. Это отмечали многие. Возможно, так и есть. Но разве легка родительская доля? Ведь все кому не лень твердят вокруг: «Прекратить издевательства! Подготовьте своего ребенка, дайте отпор школьным задирам! Кукурузный сироп с высоким содержанием фруктозы?! Ни в коем случае!! Он может убить ваших отпрысков прямо во сне!» Ну, и прочая подобная белиберда...

Она могла бы высказать все это Грейс, но потом резко передумала. Над Грейс Стентон никто никогда не издевался. В школе она была королевой. И хотя осталась доброй и чуткой, рассказать ей об Эбигейл означало бы... предать собственную дочь. Слоун не могла даже вынести саму мысль о том, что даже на секунду, на какое-то мимолетное мгновение – даже про себя – Грейс может хоть капельку разочароваться в Эбигейл.

– У нее все отлично. На следующей неделе она выступает с фортепьянным концертом. Играет «Марш ре мажор» Баха. – А может, это Бетховен в соль мажоре, промелькнуло у нее в голове. – Но я не смогу прийти, у меня встреча. – Она повернулась, чтобы уйти, но задержалась. – Ах да, ты не получала ту электронную таблицу?

Грейс слегка прищурилась и моргнула.

– В мой почтовый ящик ничего такого не поступало. – Она зевнула. – Хотя я забыла спросить.

– Я тоже.

– Наверное, мы с тобой уже не так расторопны, как раньше. Стареем...

– Прикуси язык, – усмехнулась Слоун. – И скажи Кэтрин, что я искала ее, хорошо? Бумаги у нее на столе. Пожалуйста, просмотри их, а после дай комментарии.

Грейс сложила губы в тонкую линию и махнула рукой, но даже этот жест получился каким-то вялым. Слоун мысленно напомнила себе потом попроситься к ней домой. В конце концов, она была крестной матерью Эммы Кейт. Она должна сказать подруге, что умирает от желания вновь повидаться с Эммой. И успеть до того, как у ребенка сформируются нормальные зубы. И до того, как она научится закатывать глаза...

Но Слоун хорошо знала, что мысленные напоминки – это для нее вечная, неразрешимая проблема. Ее жизнь, по сути, превратилась в пустые бутылки из-под воды, разбросанные на полу ее дорогого автомобиля. В нераспечатанные конверты и пакеты на кухне. В так и не отправленные благодарственные открытки. Где-то в глубине души она уже двигалась дальше, добавив мысленные напоминки к осколкам незаконченных задач, которые потом будут переработаны в хронический фоновый стресс. А тот, в свою очередь, послужит топливом для спонтанных и необъяснимых приступов бессонницы, угрей на подбородке и вздутий живота.

* * *

Корпоративный спортзал – огромная территория, покрытая велодорожками, современными тренажерами и яркими цветными ковриками – располагался на восьмом этаже здания. Оттуда он манил нас, когда мы проезжали мимо на лифте. Мы ненавидели спортзал. Мы любили его. Мы скрывались в нем. Мы избегали его. Мы значительно осложнили отношения с собственными телами, в то же время настаивая, что безоговорочно любим их. Мы были почему-то уверены, что нас ждут более важные дела, чем забота о собственном теле, но стройняшки в обтягивающих «лулулемонах» у школы, где мы забирали своих детей, просто насмехались над нами. Их фигуры намекали на пищу из ростков пшеницы, на теннисные клубы и вагинальные ванночки. Нас все это, конечно, вдохновляло...

И мы истекали потом на тренажерах и тягали четырех-, пятикилограммовые гантели, медленно, крошечными шажочками приближаясь к тем совершенным телам, которые не могли даже пожелать себе, поскольку слишком высоко поднялись по лестнице эволюции. Мы знали, что, когда натягиваем на себя такую одежду, за нами пристально наблюдают мужчины. И думали, что одеваемся так именно ради них. Мы притворялись, что не замечаем на себе эти скользкие взгляды. Если б мы услышали, как еще один мужчина в перерыве между подходами, переключая кнопки на плеере, вскользь заметил, что-то типа «мне нравятся твои формы, детка», кто-нибудь из нас не выдержал бы и вышиб ему мозги гантелями...

Слоун нажала на кнопку своего брелока, и замок на двери в раздевалку издал знакомый щелчок. Над раковинами висел плоский экран телевизора, на котором шло бесконечное шоу «Светская жизнь семейства Кардашьян».

Слоун выскользнула из своей черной, отделанной кружевом юбки и повесила ее в верхний шкафчик. Дерек сделал ей утром комплимент, погладив по бедрам, когда она чистила зубы. Потом их ждал добротный секс женатой пары – скоротечный, приятный и без особых прелюдий, – потому что каждый прислушивался к тому, что в этот момент делает Эбигейл. Слоун испытала быстрый оргазм. И успела привезти дочь на репетицию задолго до восьми утра.

– Слоун!

Услышав свое имя, она повернулась.

К ней направлялась закутанная в полотенце женщина. Это была жена Эймса, Бобби Гарретт. У Бобби были хриплый голос и подлинный южный акцент – правда, свойственный скорее выходцу из Оклахомы, а не Техаса. Она была домоседкой и матерью близняшек, двух милых мальчиков. Они наполняли ее жизнь задачами истинного благодетеля человечества, и Бобби собирала весьма крупные суммы на всякие достойные дела, заставляя таких, как Слоун, чувствовать себя ужасно во время раздражающих благотворительных мероприятий. Бобби Гарретт составила бы идеальную компанию абсолютно всем, кроме Слоун Гловер.

– Я только что приехала, чтобы встретиться с Эймсом на ланче, и он разрешил мне сходить в зал и провести быструю тренировку. – Ее кожа покраснелась и

покрылась пятнами, как и должно было быть у человека, который принял прохладный душ после напряженной тренировки. – Как поживаешь? – Бобби мягко коснулась ее руки.

– О, знаешь, все торчу в офисе, – словно робот, ответила Слоун. Вот именно, словно скучный, унылый робот. Но она не знала, как ей разговаривать с Бобби; всякий раз, когда Слоун видела ее, перед глазами тут же всплывал образ Эймса без рубашки, который навис над ней, прижавшись бедрами. И тут же ее переполнял жгучий стыд, сопровождаемый чем-то еще. Она чувствовала ложь, засевшую между нею и Бобби, – ложь, которая вот-вот выползет наружу...

– Наверное, мой муж слишком перегружает тебя? – спросила та, наблюдая за Слоун заинтересованным взглядом. – Клянусь, в ближайшее время я им займусь. У тебя ведь тоже муж, дети, и – о боже – ты ведь прекрасно знаешь, какими могут быть мужчины. Им нужно все время обо всем напоминать!

В раздевалке стали появляться и другие женщины. Они бегали босиком, взвешивались, надевали серьги. Было видно, что Бобби плохо воспринимает неписанные правила открытых корпоративных пространств. Слоун тихо поблагодарила ее на фоне лопотавших на заднем плане фанаток «Семейства Кардашьян».

– Нет, что ты, он ни в чем не виноват, – поспешила она успокоить Бобби, натягивая фирменные шорты «Трувив». – Эймс здесь ни при чем.

Конечно, он ни в чем не виноват. Если уж когда-нибудь у нее и возникали проблемы на работе, то лишь потому, что, по его словам, Слоун была «иррациональной», «сверхчувствительной», «смешной» и даже – как он однажды выразился – «гормональной». Забавно, что подобные эпитеты как-то не выползали наружу до того, как она закрутила с ним...

Бобби поднесла руку ко рту. Слоун бросился в глаза ее превосходный вишнево-красный маникюр.

– Десмонд, – проговорила она, ухватив Слоун за запястье; затем закрыла глаза и грустно покачала головой. – До сих пор не верится, что его больше нет... С тобой все хорошо?

– Да, нормально.

– Ладно. Вчера вечером встретила приятельницу, с которой мы посещаем занятия по истории Библии. Представляешь, какое совпадение? Мы вместе помолились за его семью.

Слоун попыталась еще раз представить себе Дерека – такого, каким видела его нынешним утром. Сандаловый аромат крема для бритья на его лице. Жаль, что здесь нет Грейс. Та проявила бы себя куда лучше. Она ведь и в самом деле ходила в церковь, в то время как Слоун вместе с семьей наслаждалась воскресным ритуалом из яичницы и кофе перед экраном телевизора. Но время от времени она сталкивалась с лексиконом городских христианок с достатком выше среднего. О людях всегда говорили, что они что-то «принимают близко к сердцу» или «молятся» о том или другом. Слоун несколько лет назад научилась интегрировать рабочий лексикон в свой собственный жаргон: она «поддерживала прямую связь» с кем-то или «выходила на связь», или «переваривала» какой-нибудь отчет. Довольно легко. Но быстро освоить лексикон Бобби ей так и не удалось. Теперь она чувствовала, что поставлена в несколько неблагоприятное положение.

– Хотела спросить, – продолжала Бобби. – Ты что-нибудь слышала про поминки? Говорят, что все пройдет на высшем уровне. И отпевание, и все остальное...

– Нет, ничего, – неопределенно проговорила Слоун. – Но уверена, что родные Десмонда оценили бы это.

Бобби подняла руку.

– Ну, тогда можно считать, что договорились. Слушай. – Она отвела Слоун в менее шумный уголок раздевалки, где в закутке лежали аккуратно сложенные чистые полотенца. Наклонилась поближе, словно закадычная подруга, привыкшая делиться с ней разными тайнами. – Уверена, что Эймс уже рассказал тебе об этом. Вероятно, даже до того, как сообщил мне. Я ведь в курсе, что вы тесно сотрудничаете. – Слоун представила, как позже рассказывает это Арди и как та одобрительно кивает. – Но Эймс ведь сейчас включен в список потенциальных кандидатов на место Десмонда. Вчера поздно вечером его об этом уведомило правление компании. Я просто уверена, что из Эймса получился бы замечательный генеральный директор.

Эймс. Генеральный директор. Слоун почувствовала, что ее мозг превратился в зыбучий песок; она изо всех сил попыталась сохранить лицо невозмутимым. Это умение оттачивалось в такие моменты, когда, например, мужчина, с женой которого она разговаривала, как-то напомнил ей, что трахается Слоун намного лучше, чем ведет бизнес. И это несмотря на то, что в то время она, почти единолично, за какой-то месяц заключила сделку на двадцать миллионов долларов. А за все усилия, потраченные в том году, получила лишь хрустальный подстаканник с логотипом компании. Позже Слоун узнала, что Эймс «забыл» подать письмо с одобрением ее бонусов на конец года. Когда она заявила ему об этом, он тут же возразил, что она – по его мнению – и так проложила себе через постель дорогу к весьма высокооплачиваемой должности, и посчитал, что лишний бонус лишь запутает его кармические усилия все уравнивать.

Если б только на этом все и закончилось...

– Честно говоря, – сказала Бобби, – создается такое ощущение, что все к тому и шло. Но, может, есть что-нибудь, что, по-твоему, нам... или ему нужно сделать, чтобы улучшить его шансы?.. Я знаю, что Эймс по-достоинству оценил бы твой совет, несмотря на то что слишком горд, чтобы самому попросить об этом. Просто сейчас он под таким давлением...

– Что ж, правильно. – Слоун немного откинулась на каблуках, пытаясь несколько отгородиться. Ей вдруг стало жарко. – Правда, это несколько выходит за рамки моих полномочий...

Лицо Бобби слегка застыло.

– Ну да, – торопливо добавила Слоун, – но я, несомненно, постараюсь. – Пора заканчивать разговор. – Бобби, мне пора... Мне нужно вернуться в офис, так что...

Бобби улыбнулась, обнажив отбеленные химией зубы.

– Конечно, конечно. Между прочим, ты выглядишь просто потрясающе.

Что, впрочем, было наглой ложью. Слоун отнюдь не выглядела потрясающе или хотя бы хорошо. Очередная ложь, подумала Слоун. Еще тысяча очков, и, возможно, она смогла бы даже сравнять счет...

Слоун схватила спортивную сумку и закрылась в одной из кабинок для переодевания. К шее, словно лихорадка, покрадывалось тепло. Тяжело дыша, Слоун прислонилась к стене, потом присела. Эймс, будущий чертов генеральный директор «Трувив»... Разве она не чувствовала, что этим все кончится? Слоун прикусила палец. Впрочем... ей-то какая разница, не так ли? Ей ведь наплевать. Но все выглядело таким несправедливым! Она похожа на дошкольницу... Все равно несправедливо! Вот награда за плохое поведение... ну, и все такое. А кто, спрашивается, во всем виноват? Она сама, точно? Конечно, она ведь все время выступала молчаливым свидетелем от имени Эймса. Конечно, она ведь сама позволяла ему выходить сухим из воды всегда, когда ему вздумается. Хотя... Ей вдруг пришло в голову, что она могла быть и не единственной. Она была не единственной! Ну, конечно. Кто бы сомневался...

Слоун уже собиралась позвонить Дереку, когда машинально набрала номер Элизабет Моретти. Та сразу же сняла трубку.

– Что случилось, Гловер?

В «Джексон Броквелл» – там, где раньше работала Слоун – именно к Элизабет стекалась значительная часть сплетен на фирме, и Слоун быстро научилась «фильтровать» все, что сама рассказывала Элизабет. Поскольку та отнюдь не была такой осторожной, какой пыталась выглядеть.

Прежде чем ответить, Слоун закрыла глаза и глубоко вздохнула.

– Не беспокойся, ничего страшного. – Встала, повернулась спиной к запертой позади нее двери, прижала к уху телефон и проговорила низким голосом: – Элизабет, что тебе известно про электронную таблицу?

– Ничего, кроме того, что я специально пошла в юридическую школу, чтобы вообще не иметь с ними дело.

Слоун явственно слышала стук пальцев по клавиатуре на другом конце линии.

– Я имею в виду список скользких и вульгарных мужиков. Возможно, работающих в Далласе...

В этот момент ее телефон завибрировал. Посмотрев на экран, она обнаружила там уведомление о скором разряде батареи. Дерьмо...

– Ах, да! Перечень плохих парней...

– Плохих парней?

– Ну да. «Остерегайтесь мудаков из Далласа». Плохих парней!.. Да, кажется, блуждал тут где-то такой список.

– А откуда он к тебе попал? – Слоун постучала пальцами по экрану, чтобы убрать сообщение, в котором ощущалось некое предостережение: «Приведи в порядок свою жизнь, сучка!»

– Ты же знаешь, я никогда не раскрываю свои источники.

На самом деле Слоун в первый раз от нее такое слышала.

Она прищурила один глаз и начала грызть ноготь. Ей не терпелось взглянуть на чертов список. Просто проверить кое-что. Тогда бы она поняла...

Слоун услышала, как Элизабет прекратила жевать, и представила, как бывшая наставница зачерпнула еще одну горсть сладких крендельков.

– Ты хочешь, чтобы я раздобыла тебе его? Ну, список?

– Если это не доставит тебе слишком много проблем.

– Считай, что он уже у тебя. Только не говори никому, что получила его от меня. – Потом они обе замолчали, и Элизабет снова начала что-то печатать. – Эй, – спросила она. – А что, это правда, что Бэнкоул окочурился прямо в душе?

* * *

Слоун вышла из раздевалки, чтобы встретиться с тренером. У входа в спортзал, скрестив на груди руки и прислонившись к стене, стоял Эймс. Он, видимо, ждал

свою жену. Их глаза встретились. Шеф скривил губы в подобие улыбки, хотя улыбкой это назвать все-таки было нельзя. И снова, как и вчера, Слоун почувствовала, как при виде этого человека в ней закипает прежняя злость – как в бутылке с газированной водой, которую встряхнули, но еще не откупорили...

Все дело в ложах, в которых они с Эймсом сидели во время игры «Даллас маверикс». Эймс выиграл их у своего босса, потому что тот еще, по сути, не был боссом. Оба они ненавидели крабовые котлетки и канапе, которые подавали наверху, и спустились вниз, не переставая спорить по поводу адекватных приправ к хот-догам. Слоун следовало бы понять, что находится в опасности. Нет, не могут два человека противоположного пола спорить о таких мирских вещах, как приправы, если не хотят спать вместе...

Смешавшись внизу с толпой, они накупили разной реальной провизии, продающейся лишь на реальном баскетбольном матче; их распирало от гордости. Эймс раньше был такой смешной... Об этом сейчас многие забыли. И еще он был красив. Так красив, что Слоун чувствовала бабочек в животе. Они вернулись на свои места в ложе, и Эймс принялся откупоривать бутылку шампанского, которую они вместе уговорили бармена продать им. У Слоун от смеха заболел живот. Она носила сверкающее обручальное кольцо, подаренное человеком, который ее любил и доверял и который согласился материально зависеть от нее. Она чувствовала себя влиятельной. Она чувствовала, что хочет взорвать все к чертям.

Конечно, вела она себя как полная идиотка. И притом, как потом узнает Слоун, она была не единственной. У Эймса уже были женщины, имен которых она не смогла бы вспомнить, даже если бы попыталась. Она была достаточно умна, чтобы держать рот на замке. И в большинстве случаев вела себя именно так. Слоун играла по правилам. И поэтому она решила остаться. Чтобы сохранить свое место за столом...

Но теперь складывалось ощущение, что ее тело как бы переваривает десятилетний опыт общения с Эймсом, вплоть до закрытой двери, которую она увидела перед собой днем. Дверь, закрывшуюся за Кэтрин. За Кэтрин, которая, наверное, захотела стать такой же, как она. Вплоть до того момента, когда Эймс, что называется, «отступил от протокола», Слоун могла вернуть его себе, тонко намекнув, что может, если захочет, поговорить с Десмондом. Она не стала бы, конечно, но... она могла. Теперь Десмонда не было. И все казалось таким несправедливым! И все же Слоун чувствовала, что сама заслужила такой

результат – когда Эймс поднимается по служебной лестнице все выше и выше и теперь добирается до самого верха. А она просто наблюдает. И ничего не может сказать...

* * *

Последующие сорок пять минут Слоун преобразовала все эти переживания в приседания, становые тяги, отжимания, пробежки и выпады, пока ее время не закончилось и ее тренер Оксана не поздравила ее с одной из лучших тренировок.

Слоун и в самом деле почувствовала себя лучше. С души слетела прежняя тяжесть. А может, она немного очистилась. Вот за это мы и любим физические упражнения – за то, как они могут избавить нас от всякого хлама, за исключением лишь одного – горькой обиды...

Только после того как Слоун выпила залпом целую бутылку воды, приняла прохладный душ и снова оделась, она вытащила из сумки свой телефон и проверила электронную почту. В самой верхней части высветилось долгожданное сообщение от Элизабет Моретти.

ПЛОХИЕ МУЖЧИНЫ: ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ МУДАКОВ. МУДАКИ, БЕРЕГИТЕСЬ.

* * *

Выдержка из показаний

13 апреля

Люси Дэвис

Конечно, это началось с электронной таблицы. С самого первого дня эта штука стала настоящей бедой. Если честно, я говорила об этом всем, кто согласился меня выслушать. По-моему, это ужасная идея. Да, так и есть! Про самосуд и все такое прочее. Но разве меня кто-нибудь слушал? Нет. А теперь посмотрите!

Кит Трэн

Не знаю. Может быть. Если дело в той электронной таблице, то, я предполагаю, такое могло произойти с каждым из нас. Вот это меня и пугает.

Энджи Мэнн

Да, мы знали о той электронной таблице и кое-что приняли к сведению. Однако хочу добавить, что мы всерьез относимся к правам наших сотрудников, имена которых появились в этом списке. У каждой монеты две стороны, знаете ли...

София Вентура

Да, мы все немного сходили с ума. Ну а кто не сошел бы? Ну, представьте... ладно, вот имя этого парня в списке, и он бог знает чем занимался, а теперь мне нужно одной войти в его кабинет и попросить, не хочет ли он взглянуть на свои снимки? Но только задумайтесь: непохоже, чтобы такое творилось только в нашем офисе. Имена мужчин всплывали со всех концов города, но готова поспорить, что вы не пойдете туда и не станете всех расспрашивать, не так ли?

Александра Соулс

Думаю, каждому нужно брать на себя ответственность за свои поступки и прекратить обвинять во всей этой катастрофе какой-то эксельный файл. Я хочу сказать, что мы ведь здесь, кажется, все взрослые люди, верно?

Глава 8

23 марта

В офисе были мужчины. Тоже работали за столами, как и мы. Их хватало и в отделе кадров, и в бухгалтерии, и в отделе контроля, и среди айтишников. И на верхних, и на нижних этажах. Но между нами и мужчинами существовало невидимое разделение. Так мы и находили друг друга. Если работа являлась традиционным местом для мужского клуба, то мы на это ответили тем, что организовали секретное женское общество. Мы придумали тайное рукопожатие. И считали себя «сестрами по оружию».

Конечно, не стоит забывать о добропорядочных мужчинах: о тех, кто смеялся над нашими шутками и спрашивал совета, кто не считал материнство недостатком, у кого были жены, которые тоже вкалывали на своих работах, кто брал на себя половину работы по дому, кто был счастлив в браке или... был геем. Открывая совещания, они не жаловались на ремейки старых фильмов с женщинами в главных ролях и не просили, чтобы во время декретных отпусков мы отвечали «всего на один-единственный телефонный звонок». Но даже добропорядочные – или особенно они? – притворялись, что не замечают рамок. Типа сколько еще дивидендов они заработали в телефонных переговорах за свой мужской голос. Или каким образом их рост, телосложение и утренняя щетина придают авторитетность их идеям по сравнению с нашими. Если специально обратить на это их внимание, то нормальные мужики скромно отмахнулись бы от таких наблюдений и тут же заявили бы, насколько мы, женщины, умнее и лучше их. Они были нашими коллегами, а некоторые – даже друзьями.

Но рамки все-таки существовали. И не только в наших головах. Каких бы крутых специалистов по грязным шуткам мы из себя ни строили, как бы убедительно ни доказывали, что умело противостоять конфликтам, не становясь при этом агрессивными, как бы ни передразнивали коллег-мужчин, – зачастую наша демонстрация компетентности и приверженности не оказывала должного эффекта на мужской пол в офисе. Они думали, что видят нас насквозь, что хорошо нас знают. Они считали, что могут предугадать наши действия. Особенно это относилось к таким, как Грейс, у которой, казалось, и так все на

лбу написано...

Грейс, наверное, не смогла бы припомнить, когда в последний раз лгала. И чтобы это была не какая-нибудь ерунда, а настоящая, добросовестная ложь... «Я работаю допоздна, Лайам, прости, я полуночница. В холодильнике есть грудное молоко», – говорила она. Конечно, ее муж вспылал праведным гневом.

Как они могли такое допустить? Абсолютно неблагоприятно. Разве она не объяснила им, что такое молодая мать? Люди всегда напоминали Грейс, что она является молодой мамой.

Три недели назад она призналась Лайаму, что, наверное, больше не сможет вставать пораньше, чтобы накормить Эмму Кейт, и что она скорее готова слушать ее надрывный плач. В ответ муж легонько сжал ей плечо и сказал:

– Ты просто вымоталась. И не могла бы чувствовать себя по-другому.

И тогда она подумала, как и все остальные: как удобно всегда иметь рядом человека, которому можно объяснить свои негативные эмоции!

А он поцеловал ее в висок и сказал, что она – удивительная мама...

Потом они с Лайамом – с двух- или трехнедельным опозданием – отвезли Эмму Кейт на обязательный осмотр к терапевту; такой осмотр нужно было проводить, когда ребенку исполняется четыре месяца. Доктор Танака вручил Лайаму гляцевую брошюру, в которой были перечислены признаки послеродовой депрессии: затяжное уныние, беспомощность, немотивированные слезы. Усиленный или ослабленный аппетит. Бессонница при усталости. Опасения за то, что мать может навредить ребенку, себе самой или другим. Все это довольно интересно, думала Грейс. Очень информативный материал. Но...

– Глядя на вас, можно подумать, что материнство – не такая уж сложная штука. Ваша дочь на правильном пути, – сказал доктор.

Вот как. Все было так, как и должно быть, потому что если не так, то, уж конечно, доктор Танака это заметил бы. Он был лучшим педиатром в Далласе. Она уже убедилась.

Эта идея пришла к ней в голову неделей раньше, когда Лайам как бы невзначай поинтересовался, не стоит ли им подумать еще об одном ребенке. Грейс ведь не какая-нибудь неопытная пташка, сказал он, хотя он, конечно, использовал для этого более приличные слова, потому что Лайам был мужчиной воспитанным. На протяжении всей ее беременности он не переставал повторять, какая она красивая. Он терпеливо ждал своего отцовства. В десять вечера выходил из дома и возвращался с порцией молочных коктейлей, – гордый, как будто получил дорогую награду. Ночные продуктовые вылазки означали, что за эти девять месяцев, пока она вынашивала Эмму Кейт, его собственный аппетит существенно укрепился. А для такого приверженца кроссфита, как Лайам, думала Грейс, это самая хорошая вещь, которую он когда-либо для нее делал...

Но разговор о втором ребенке встревожил ее. Ведь с момента рождения Эммы Кейт они даже не занимались сексом. Доктор очистил ее для «половой активности» несколько недель назад, но Грейс еще ничего не сказала Лайаму. Возможно, она намного более лжива, чем сама думала...

Грейс поняла, что для эгоизма не существует клинического диагноза. И поскольку это было, по-видимому, ее собственным несчастьем, она решила разобраться сама.

* * *

Гостиничный номер стоил кучу денег – шестьсот пятьдесят долларов за ночь. Несколько дней назад Грейс открыла одно из писем-предложений с приложенной к нему кредитной картой. На письме стояла пометка «Предварительно одобрена». Она заполнила бланк во время перерыва, затем сунула карту в кошелек. Той ночью ее ребенок просыпался шесть раз. В одной статье Грейс прочитала, что террористов «Аль-Каиды» заставили говорить, когда лишили именно сна, а не воды. Им обещали дать выспаться. Она все поняла. И сдалась. Ее собственный ребенок окончательно добил ее...

Голова у нее сделалась ватной, в висках покалывало. Она была измотана до тошноты, и содержимое желудка – лишь наполовину съеденный завтрак – готово было выплеснуться наружу. Кофе лишь спровоцировал некомфортный гул в голове – и это на фоне чрезмерной усталости. Сейчас ей страшно хотелось выспаться, она жаждала сна даже сильнее, чем сладких кексов.

Отель оказался великолепным: с огромным бассейном, шикарным рестораном и бесплатным шампанским в лобби. Она не видела смысла останавливаться на полпути. Если б Грейс Стентон собиралась в ад, то не поселилась бы в «Холидей-Инн».

Вчера вечером она расхаживала вокруг в пушистых шлепанцах и размышляла: вот как закручивают романы. Сначала пообещала себе, что остановится здесь всего на ночь. Но к тому времени, когда откупорила бутылку шардоне (здесь Грейс тоже не стала экономить, указав на бутылку стоимостью 75 долларов), она была твердо намерена продолжить мерзкое свидание. С собой...

Тебе я оставляю своего мужа, мысленно обратилась она к своей ароматерапевтической ванне. Мы сбежим вместе. Мы ведь родственные души. Есть только одна проблема: моя грудь должна кормить моего ребенка... Просто дайте мне пару месяцев, чтобы все уладить. Потом сами всё увидите. Обещаю. Я люблю вас.

Наутро Грейс проснулась, когда солнечные лучи начали проскальзывать сквозь шторы. Она подтянула одеяло повыше. Простыни ослепительной белизны пахли, как дорогой французский парфюм. Дрожь удовлетворения пробежала по кончикам пальцев на ногах, когда Грейс подумала, как, должно быть, ее муж скучает по ней, когда меняет ребенку подгузники и кормит из бутылочки в два часа, потом в три тридцать и, наконец, в пять утра.

Наконец, она встала и, позвонив на ресепшене, заказала себе круассан с маслом и абрикосовым джемом и капучино. Болела грудь. В тканях образовались маленькие узелки. Грейс мягко нажала на них и поморщилась.

Она опоздает на работу, сильно опоздает. Да гори оно все гаром, подумала Грейс вчера вечером, когда не стала включать будильник. Но как только встала с кровати, то почувствовала, что бунтарства у нее поубавилось. А когда натягивала черное облегающее платье и надевала жемчуг, то почувствовала, как в животе, словно масло, растекается свежая мгла...

Грейс попыталась представить себе Эмму Кейт.

Глаза ее ребенка до сих пор казались ей странными. Словно два кусочка мрамора в сморщенной голове инопланетянина. Все время смотрят на нее,

постоянно ждут любви – той самой, которой она, по идее, должна быть наделена как мать. Что ж, вполне обоснованные ожидания, призналась себе Грейс. Особенно для ребенка, который родился в стабильной семье и у здоровой мамы в тридцать пять с хвостиком. Нет, Эмма Кейт не стала для нее сюрпризом. Грейс тщательно вела календарь. Даже то, что родится девочка, было вполне predetermined. Лайам лишь рассмеялся, но Грейс изучила все эти хитрости: ведь в те дни она потребляла огромные количества «Кристал Лайт» с йогуртами. И Слоун, у которой, естественно, была Эбигейл, советовала ей получать оргазм после того, как его получит Лайам. Что требовало некоторого навыка. После одного из УЗИ, когда врач передал Грейс конверт с распечаткой, она уже знала, что у нее будет девочка. Лайам тоже мечтал о девочке. Именно он и вскрыл конверт, когда она сообщила ему новость. А когда Грейс показала результаты УЗИ Слоун и Арди, те буквально завопили от радости. Ну, на самом деле вопила только Слоун. Тут же принялись обсуждать планы по совместному воспитанию девчонок, используя Эбигейл в качестве няни-сиделки. А Майкла и Эмму Кейт думали даже в будущем поженить. Все было здорово. Именно так, как она и мечтала.

Вот такая кутерьма. Тем не менее иногда ей хотелось пристально посмотреть на Эмму Кейт и предостеречь себя: не увлекайся. Вопреки всем признакам, Эмма Кейт, скорее всего, не выиграла родительскую лотерею...

Если это могло послужить утешением, то ничто так не взывало к сердцу Грейс, как мысль о ребенке. В колледже она была казначеем отделения женского клуба «Три-Дельта» своего кампуса и с тех пор скучала по той естественной связи с многочисленной группой женщин. Когда она родила Эмму Кейт, то плакала от счастья. Как, впрочем, и Лайам. Грейс ликовала. Наконец-то ее допустили в самый большой и самый важный женский клуб – сообщество матерей. Она представила, как заранее упражняется с прогулочной коляской и посещает видеоуроки по йоге для беременных. Как охотится за пасхальными яйцами в апреле. Представила великолепное рождественское платье, в котором стоит перед церковью, поддерживая головку своего ребенка в чепчике. Идеальное семейство...

Но вместо этого Грейс чувствовала себя отделенной, отрезанной от почти всех других матерей. Она наблюдала за счастливыми, любящими мамочками в церкви, которые держат своих восхитительных деток, милых маленьких девочек в чулочках и туфельках из лакированной кожи, и пыталась понять, что, черт возьми, ей самой не хватает...

Чего все это стоило? Поскольку в ее нынешнем состоянии Грейс была очень далека от былой формы: большие отвисшие груди, раздутый живот, недержание, темные круги под глазами, спорадический мастит и ноющие от боли соски... Да вдобавок теперь, чтобы выйти из дома, ей требовалось целых два часа; что всякий раз, когда она выкраивала пять минут для спасительного душа, раздавался душераздирающий визг; что ей больше не были рады в приличных ресторанах, где столы накрывались скатертями. Девочка была худой, вдобавок болела экземой; в уголках ее рта собиралась мутная жидкость, и она почти не улыбалась. Грейс хотела бы почувствовать эту невидимую связь матери и ребенка, но самое большее, что удалось ощутить, – это когда Эмма Кейт схватила ее за палец. И длилось это всего несколько секунд. Грейс чувствовала себя идиоткой за то, что верила, будто во всем этом хаосе должна присутствовать какая-то магия. Какая-то алхимия, которая делала все эти мучения – как ей не раз повторяли – оправданными...

Если с момента рождения Эммы Кейт Грейс и чувствовала какое-то родство с другими матерями, так только с теми, кто направлял свои минивэны в озеро или с высокого обрыва...

* * *

Грейс сложила в большую холщовую сумку вчерашнюю одежду, косметику, туалетные принадлежности и молокоотсос. Затем бросила прощальный взгляд на пушистую постель, на стопку чистых полотенец и набор разноцветных капсул кофе «Лавацца». Она со страхом ожидала возвращения в собственный дом, забитый грязными подгузниками и декоративными подушками в пятнах и слюне.

В конце коридора она нажала на кнопку и вошла в стеклянный лифт. А потом с удивлением узнала там другую женщину.

– Кэтрин?

Грейс ощутила какой-то намек на удовольствие, словно столкнулась со знакомой в аэропорту или где-то в отпуске. Ну, или в супермаркете «Таргет». Забавное жизненное наблюдение.

Кэтрин стояла спиной к стенке лифта с хмурым видом. В ее глазах вспыхнула искорка, когда она узнала коллегу по работе и нерешительно произнесла:

– Здравствуйте...

– Грейс, – поспешила та помочь Кэтрин, чувствуя, что новенькая наверняка не запомнила ее имя. – Прости, но, наверное, за последние несколько дней ты знакомилась с кучей людей...

– О нет, я не... – Кэтрин так и не договорила.

Ее кожа была наверняка обработана новейшим составом для чистки лица, а волосы аккуратно зачесаны набок. Вместо сережек у нее были клипсы, которые казались отчаянно редкими среди всего этого моря драгоценностей от Кендры Скотт, популярных среди нынешних далласских модниц.

Лифт звякнул, остановившись на нижнем этаже. Журчащий поток воды сбегал с мраморных опор и сочился в мерцающий голубой пруд с карпами кои. Запах внутреннего двора напоминал высококлассное казино – с рециркулированным воздухом и искусственными ароматизаторами.

– А вы-то что здесь делаете? – спросила Кэтрин.

Грейс хотела соврать, но ничего подходящего в голову так и не пришло.

– Да вот... потребовалось взять выходную ночь, – призналась она. – Мой ребенок поднял мятеж против мамы и упорно не дает ей спать. – Еще парочка бессонных ночей дома с Эммой Кейт, и Грейс просто утонет в этом болоте, тщетно пытаясь что-то исправить и настроиться на нормальный лад...

Губы Кэтрин слегка изогнулись.

– Какое же она выбрала оружие?

– Стальные легкие. Довольно банальное, но безжалостно эффективное средство. – Грейс остановилась перед раздвижными стеклянными дверями, которые вели к выходу из отеля. На улице сверкало солнце. – Иногда я просто не

могу с ней... Как будто я... – Ее голос дрогнул.

– Ненавидите ее?..

– Наверное, все это просто ужасно. – Грейс и в самом деле чувствовала себя никчемной матерью. Но, наверное, это был еще не предел, и она могла бы чувствовать себя намного хуже. Промелькнула мысль о том, что ей уже не нравится быть матерью... И ей стало стыдно. Она могла даже участвовать в Олимпийских играх, где основным видом спорта является комплекс вины. Возможно, даже завоевать там медаль. Но, по правде говоря, она так устала, что едва ли смогла в них участвовать. – Я даже ничего не сказала мужу, – застенчиво добавила Грейс.

Было видно, что на Кэтрин ее слова произвели впечатление.

– О том, что не придете домой?

Немного смутившись, Грейс погладила щеку.

– Нет, об этом я как раз сказала. Но... – Она прищурила один глаз. – Я, кажется, сказала, что буду вынуждена остаться на работе на ночь. – И это было настолько далеко от истины, что выглядело почти смешным. С момента своего возвращения Грейс чувствовала себя так, будто Слоун и Арди буквально сдувают с нее пылинки, старясь спасти от любой неотложной работы, – как будто ей нужно непременно поскорее вернуться домой к своей новорожденной. К драгоценной дочке-инопланетянке...

– А. – Кэтрин кивнула, и губы ее дернулись в озорной усмешке. – Я никому не расскажу.

Грейс почувствовала знакомый вкус тайны, которая, если ею поделиться, почти всегда предвещала новую дружбу. Это ей было известно из собственного опыта.

– А ты здесь какими судьбами? – спросила Грейс.

– Дом, в который я переезжаю, еще не готов. Новое здание. В отель помогла устроиться одна подруга. Здесь же обычно все забронировано... Вот, до

переезда придется пожить здесь.

– В «Прескотте»? Здорово!

– Да, но меня поселили в номер наверху. – Кэтрин опустила подбородок. Центр «Прескотта» представлял собой зияющую пустоту, устремленную к освещенному небом прозрачному потолку. – А я ужасно боюсь высоты. А стеклянные лифты? Кажется, что стенка вот-вот треснет...

– Хочешь, поменяемся местами? – усмехнувшись, спросила Грейс. – Я с удовольствием переселюсь в твой гостиничный номер, и ты останешься с моим мужем и попытаешься договориться с моей дочерью и выспаться. Слоун как-то упомянула, что ты – настоящий эксперт в области переговоров. – Она надеялась, что не перегнула палку. Compliments – штука тонкая, и в отношениях между людьми с ними можно запросто переборщить.

– Ну, на переговорах... может быть, – ответила Кэтрин. – С детьми мы точно на разных полюсах.

Грейс снова с тревогой посмотрела туда, где ее ждал реальный мир. Она уже чувствовала, как все сильнее давит в груди...

– Что ж, – проговорила Грейс после короткой паузы. – Наверное, мне пора. Слоун, видимо, уже объявила меня пропавшей без вести. Еще несколько минут, и она вызовет Национальную гвардию.

Кэтрин сунула руку в сумочку и вытащила розовый парковочный талон.

– У вас ни в коем случае не должно быть этого, – предупредила она. – Иначе вся ваша легенда полетит к черту.

– Что за легенда? – Грейс потянула за застежку ожерелья, поправив его на шее.

– Ну как же? Объяснение для мужа. – Кэтрин наморщила нос и стала похожей на милого кролика, что вполне подходило для женщины в возрасте чуть за тридцать. – Вы ведь сказали ему, что работали допоздна.

Грейс хлопнула себя ладонью по лбу.

– Боже, ты права! Спасибо!

Теперь они обе едва не покатались со смеху. Грейс явственно ощутила проскочившую между ними искру доверия. Это как у штепселя, который наконец добрался до далекой розетки. Ей уже не терпелось пригласить Кэтрин куда-нибудь на бокал вина или пройтись по магазинам в Хайленд-Парк-Виллидж. Вот почему Грейс всегда тянулась к девчонкам – она умела с ними ладить, у нее были для этого способности. Через секунду озарения ей вдруг пришло в голову: она, наверное, вовсе не стремилась общаться с другими матерями. А если уж общаться, то только с той, у которой – пока, во всяком случае – нет детей...

Кэтрин вышла с ней вместе к парковке. Дул необычайно теплый для февраля ветерок. Запах жира предвещал ланчи с клиентами, которые всегда происходили в одиннадцать тридцать утра. Под аркой стоял бронзового цвета «Ягуар». Негласная реклама отеля...

Когда в сторону парковки удалились два молодых человека, Кэтрин скрестила на груди руки и посмотрела на Грейс.

– Вы уже долго работаете в «Трувив»?

Грейс принялась рассеянно искать ключи от своей машины, прежде чем поняла, что они у служащего парковки.

– Шесть лет, – ответила она.

– И шесть лет все было так же здорово, как сейчас?

Грейс рассмеялась.

– По большей части, да. Это хорошая компания. – В конкурентном плане южане были почти всегда хороши, а Грейс и ее семью и вовсе считали первоклассными. – А разве на твоей старой работе было по-другому?

Какое-то мгновение Кэтрин выглядела так, будто не знала, как ответить на поставленный вопрос.

– Дело не в этом. Я просто хотела попробовать себя в чем-то новом...

Она стала говорить что-то еще, но в этот момент подъехал служащий на автомобиле Грейс. Машина с визгом затормозила. Обе женщины отскочили назад, при этом Грейс машинально прикрыла рукой грудь Кэтрин.

– Прости. – У нее зарумянились щеки. Это была реакция заботливой матери, и она почему-то решила отнестись к Кэтрин – к Кэтрин, которая закончила Гарвард, – как к ребенку, который в первый раз переходит проезжую часть...

– Все хорошо, – сказала Кэтрин, разглаживая платье. – Если б вы были коллегой на моей старой работе, то, наверное, толкнули бы меня.

И Грейс рассмеялась, потому что сама идея выглядела нелепой. Ну, конечно.

* * *

Уведомление

21 января

Мисс Кэтрин Белл

2337 Виндзор-Стрит

Бостон, Массачусетс 02101

Мисс Белл,

Ваша работа в компании «Фрост Кляйн & Роджет» («Фрост Кляйн») с сегодняшнего дня официально завершена.

Настоящим вы уведомлены, что ваш трудовой договор расторгнут.

Вы не получите компенсацию за накопленный отпуск. Ваши льготы и пособия на медицинское обслуживание останутся в силе в течение 0 дней.

Пожалуйста, внимательно изучите соглашение о неразглашении, которое вы подписали после найма на работу. Согласно данному соглашению, вы не должны разглашать известные вам коммерческие тайны, практики или методы работы. Компания «Фрост Кляйн» вправе подать в суд, если выяснится, что вы разглашали ее коммерческие тайны во время своей работы в компании или после ее окончания.

С уважением,

Алан Циглер

Управляющий партнер

«Фрост Кляйн & Роджет»

Глава 9

23 марта

Утренняя встреча за пределами офиса ни разу не сулила плодотворный рабочий день. Слоун знала это. И давно смирилась. Или, по крайней мере, думала, что смирилась, прежде чем начала просматривать кучу непрочитанных писем в ящике входящих сообщений. То, что весь день пойдет насмарку, стало уже и так ясно. Хотя не было даже одиннадцати. Прямо-таки рекорд какой-то...

Со своего места Слоун отчетливо ощущала запах сыра в учительской. Стулья были слишком маленькими и слишком квадратными, так что волей-неволей возникало ощущение, что на ковролине рассыпаны горы крошек. Обитая линолеумом стойка отделяла зону ожидания от сотрудников, которые были очень заняты раскладыванием и подшивкой документов, не обращая внимания на телефонные звонки.

Слоун сидела с сумкой на коленях, уже заранее чувствуя себя наказанной.

– Помни, Эбигейл, – сказала она дочери, которая тыкала пальцем в ее смартфон, – тебе не нужно ничего говорить. Если захочешь что-нибудь спросить, просто шепни на ушко мне или мисс Арди.

Предстояло первое родительское собрание с участием Эбигейл. И одно дело для Слоун – выкроить собственное время, а совсем другое – как это время проведет ее дочь.

Эбигейл выглянула за спину матери и посмотрела на Арди.

– Мама говорит, что я могу сказать вам что угодно, только вы никому не говорите, даже ей, потому что вы – мой адвокат.

– Я так не говорила, не ври!

Эбигейл была совершенно нормальной десятилетней девочкой: немного искривленные зубы, милые розовые губки и россыпь веснушек на носу, которые, как Слоун знала по опыту, пропадут во время учебы в колледже. Дочь нервно постукивала кедами о ножки стула. Это были новенькие «конверсы», невероятно дорогие для десятилетней соплячки. И, возможно, они тоже были включены в перечень обязательных школьных принадлежностей – наряду с «тетрадь для сочинений» и «термосом от Лилли Пулитцер». Оказавшись уже на грани, Слоун поклялась Дереку, что они сбегут из Парк-Сити куда-нибудь в сельскую глубинку. Но тут же встал вопрос об ипотеке, обеспеченной (благодаря Слоун) на должном, конкурентоспособном уровне, – а также о работе, о трех мобильных тарифах, о незакрытом автокредите... И потом, Дерек и Слоун очень любили, как готовят стальноголового лосося в «Фиэррингсе»... В общем, решила она, «конверсы» – не такая уж и большая проблема.

– Вот именно, Эбигейл, – ответила девочке Арди, не обратив внимания на сердитый взгляд Слоун. – Уверена, что нам надо подумать, какими еще тайнами стоит поделиться друг с дружкой.

– Правильно! У мамы с папой полно всяких тайн, а мне они ничего не рассказывают! – Эбигейл еще сильнее пнула ногой стул. – Вот и мы никому ничего не скажем.

Арди усмехнулась и расслабилась.

– Звучит заманчиво. Надо мне хорошенько собраться с мыслями...

– Ну, это касается разве что того, где родители прячут от тебя спиртное. Водку. – Слоун вытащила из косметички помаду и накрасила губы. Она смогла вполне обойтись без зеркала. – Как я выгляжу? – Повернулась к Арди и сморщила губы. Недавно Слоун заметила, что не стоит долго хранить одну и ту же помаду и лучше использовать свежую, иначе цвет проникал в крошечные морщинки, которые уже начали образовываться вокруг ее губ...

Арди, которая не использовала косметику и даже не подкрашивала проступающую седину в волосах, бросила на нее безучастный взгляд. Это был ее фирменный знак.

– Тебе ведь известно, что сейчас мы находимся в школе твоей дочери, не так ли? Думаю, судья Джуди взяла выходной.

Слоун подняла голову.

– Ты ведь знаешь, я терпеть не могу такое отношение со стороны внешнего юрисконсульта.

Она пошутила, хотя и не очень убедительно. К происшествию с Эбигейл Слоун относилась весьма серьезно. Очень серьезно.

На первой встрече с директором они узнали, что Эбигейл была не единственным получателем неприятных сообщений. По-видимому, девочки в ее классе экспериментировали с новыми словами. Это не стало большим утешением для

Слоун. Другие, возможно, умели противостоять подобным выплескам детской жестокости двадцать первого века, но ее сверхчувствительная Эбигейл?.. «Синдром хрупкого черепа», – так называл подобное явление ее преподаватель в юридической школе. То есть если вы ударили человека по голове и проломили ему череп, то не имеет значения, что аналогичный удар не приведет к такому же увечью для большинства других людей. Но при этом неожиданная хрупкость пострадавшего отнюдь не становится реальной защитой от причиняемого ущерба. У Эбигейл был хрупкий череп...

Сегодня предстояла повторная встреча с директором, и когда Дерек узнал, что не сможет присутствовать, то предложил отличное решение: «Приведи туда Арди».

Арди куда более устойчива, чем она, мысленно согласилась Слоун. Арди пользовалась духами, характерными для женщин более старшего возраста, с ароматом роз и специй, в то время как у Слоун сложилось весьма туманное впечатление о том, что иногда от нее исходит непреднамеренный дух легкомыслия, выражающийся в небрежном выборе духов.

Слева открылась дверь.

– Слоун Гловер? Директор готов побеседовать с вами.

Слоун вскочила так быстро, что у нее даже закружилась голова.

– Спокойно, – тихо напустировала ее Арди.

Слоун сделала глубокий вдох, и все трое направились в небольшой серый кабинет, окна которого выходили на детскую площадку.

Первой заговорила Слоун. Она почти всегда так делала.

– Директор Кларк, это наш адвокат, Арди Вальдес.

Директор встал, поправил галстук и протянул руку Арди. Это был темнокожий мужчина, высокий, с гладко выбритым черепом, но с полосками седой, аккуратно подстриженной бороды. Слоун вдруг поймала себя на мысли, что сверлит

взглядом его безымянный палец: неженатый. Такой мужчина стал бы хорошей парой для Арди. Если бы Слоун так не злилась на него и не угрожала подать в суд...

– Уверен, что ее присутствие не столь обязательно, – заметил Кларк. – Это всего лишь возможность встретиться, чтобы обсудить успехи Эбигейл.

Все повернулись к девочке, дрыгавшей ногами под своим стулом. Она выглядела возбужденной и чувствовала дискомфорт, словно кошка, которую только что окунули в воду.

Арди выдвинула себе стул.

– Ну, и успехи самой школы. Об этом тоже нельзя забывать.

Слоун просияла. Арди уже в самом начале заработала важное очко. С ней, конечно же, Слоун чувствовала себя поувереннее, что там говорить...

– Правильно. – Кларк откашлялся и бросил взгляд на стопку бумаг на столе. Слоун иногда использовала такую же тактику увиливания. Чтобы, выражаясь спортивным языком, сбить темп. Опустить взгляд, начать что-то искать, возиться с чем-то. А потом – «Ах, извините, давайте же поскорее начнем...».

– Тогда, с вашего позволения, я начну, – сказал он. – Недавно школа разослала листовки для родителей и студентов, чтобы обсудить аспекты поведения учащихся в социальных сетях. Родителей убедительно просят контролировать аккаунты и сохранять пароли.

На коленях у Арди появился блокнот.

– А как насчет соблюдения правопорядка?

Кларк кивнул, словно и сам только что собирался осветить поднятый вопрос.

– Для учащихся старших классов нарушение дисциплины в социальных сетях приведет к приостановке привилегий в сфере социальной активности. Это касается таких вещей, как танцы или баскетбольные матчи.

– Но Эбигейл пока не учится в старших классах, – решительно вмешалась Слоун. – Она всего лишь в четвертом классе. И у нее нет социальных сетей.

– У меня есть «Ютьюб», – добавила Эбигейл, решительно и по-взрослому отвесив поклон директору Кларку.

– Это не одно и то же, милая, – машинально проговорила Слоун. После чего задумалась: «А может, нет?» Ей нужно проверить аккаунт Эбигейл. Проверить, что она там высматривала. Слоун было жаль, что она тоже не принесла сюда блокнот. Неаккуратно...

Директор Кларк не обращал на Эбигейл ни малейшего внимания.

– Хорошо. Я и в самом деле это понимаю. А вы не думали сменить номер ее телефона?

Слоун не удержалась от смеха.

– И это ваш ответ? А почему именно она должна нести бремя ответственности? Или мы? Что оттого, что дети получают новый номер? У них не должно быть телефонов как таковых!

– Нет, они должны иметь телефоны. Хотя бы из соображений безопасности. В наши дни родители чувствуют себя в большей безопасности, если у детей есть телефоны.

Слоун подумала, что не возражала бы, если б хоть одного из этих сорванцов на пару дней похитили...

– Произошло еще что-нибудь, Эбигейл? – спросил директор.

Девочка прижала руки к бедрам, качаясь взад-вперед.

– Не знаю. Может быть, – ответила она тоненьким и довольно бесхитростным голоском. – Есть пара мальчишек. Они попросили, чтобы я принесла им ботинки из спортзала. Я отправилась, но не нашла там никаких ботинок. – Она пожала

плечами; ее глаза были широкими и синими. – Я возвратилась, но потом все стали надо мной смеяться. Шутку я не поняла. И крикнула, чтобы они убирались к черту. Постаралась крикнуть погромче, как учила мама. Тогда меня обозвали чокнутой.

Слоун закрыла глаза и тяжело глотнула. Иногда, когда они с Эбигейл выходили из «Таргета» или кинотеатра, а парковка оказывалась пустой, она устраивала для дочери тренировки, учила громко кричать. Сказала, что это ей потом наверняка пригодится. Дерек считал, что такие упражнения только напугают Эбигейл. Но что он в этом понимал? Дерек ведь никогда не был девочкой. А Слоун была, и если Эбигейл считала, что ей угрожает опасность, то точно знала, что сделать: визжать, как будто тебя убивают.

Ну вот, а теперь они здесь...

– Что-то я не пойму, – Слоун поморщилась. – Обувь? Почему дети смеются над моей дочерью из-за какой-то обуви?

Директору Кларку с трудом удавалось прятать улыбку. Хотя сжатые кулаки и локти, которыми он небрежно опирался о стол, казалось бы, напрочь отрицали какой-либо юмор.

– В самом деле так смешно, мистер Кларк? Или мы что-то здесь пропустили? – спросила Арди, подвинувшись к самому краю стула и теребя в руке шариковую ручку.

Мужчина разжал кулаки и пожал плечами.

– Дети, – сказал он и покачал головой. – Все это и в самом деле глупо.

Его взгляд метнулся куда-то в пространство между Арди и Слоун. Обе женщины замерли в ожидании.

– Мы со Слоун обожаем глупости.

Кларк почесал шею.

– Вообще, бессмыслица какая-то. Я о той мальчишеской проделке. Скорее похоже на флирт. То есть они считают тебя симпатичной девочкой. Наверное, это что-то вроде ритуала. Они просят девочку, которую считают симпатичной, сбегать куда-нибудь, – в тот же спортзал. Ну, а затем... да ну, в общем, ничего такого. Они тоже дети.

Он сжал губы и, подняв брови, посмотрел на Эбигейл.

– Простите, и что теперь? – Слоун чувствовала, что начинает усиленно моргать, чего Дерек просто терпеть не мог. Но делала она так лишь в том случае, если была в чем-то права. И твердо понимала, что человек, с которым она разговаривает, абсолютно неправ. – Вы хотите сказать, что моя дочь стала объектом какой-то подростковой насмешки?

Пристальный и очень серьезный взгляд Арди немного смягчился, уступив место ненавязчивому любопытству (до боли знакомая логика: предполагалось, что мы испытываем благодарность, если кто-то считал нас симпатичными).

Взгляды Слоун и Арди встретились. Совместная работа на протяжении десятка лет пригодилась даже в такой, казалось бы, не самой сложной ситуации. Движение со стороны Арди было едва уловимым. Почти незаметная вспышка глаз, потом легкое качание головы. «Я совершенно не собираюсь тебя останавливать», – вот о чем все это говорило.

– Точнее, оскорбления, – добавила Слоун, сверля взглядом Кларка. – Это что, комплимент такой, что ли? Ничего себе, позабавились...

– Мам... – Эбигейл начала раскачиваться на стуле.

– Я понимаю, куда вы клоните. Но уверяю, здесь нет никакой опасности.

– О! Вы уверяете меня?! – Лицо Слоун побледнело от гнева.

Сидящая рядом Арди напряглась. Потом подалась вперед.

– Полагаю, такая реакция моих клиентов обусловлена тем, что эти мальчишки действовали целенаправленно – чтобы смутить Эбигейл. Потом обозвали ее

чокнутой. Знаете, в чем здесь проблема, директор Кларк? – Она не стала дожидаться ответа. – Проблема в том, что когда мы позволяем мальчишкам обзывать девочку, то это, как вы понимаете, дает и всем остальным разрешение оскорблять ее и ни в чем не доверять. А кого-нибудь из тех мальчиков называли чокнутыми за то, что они выдумывают такие небылицы?

Улыбка на лице Кларка окончательно растворилась.

– Не думаю, – продолжала Арди. – А еще больше усугубляет ситуацию здешняя администрация, которая, видите ли, считает такое поведение учеников забавным. Хотя на самом деле оно способствует куда более опасному поведению. Боюсь, здесь нет ничего забавного, мистер Кларк. И моя клиентка вполне обоснованно обеспокоена безопасностью и благополучием своего ребенка.

– Понимаю, – ответил директор Кларк, и его лицо сделалось мрачнее тучи.

Слоун смогла одновременно нащупать свою сумочку и обрести дар речи. Она встала.

– Я согласилась на встречу с руководством школы в надежде на какой-то прогресс, и тогда необходимость в судебном иске отпала бы сама собой. – Она протянула руку дочери. Эбигейл соскользнула со своего стула и взяла ее. – Но, насколько вижу, наша встреча стала лишь пустой тратой времени. Давайте надеяться, что к следующей встрече вы отнесетесь намного серьезнее.

Арди, Эбигейл и Слоун дружно и не оглядываясь вышли из кабинета Кларка. Слоун почувствовала, как на лбу пульсирует одна из вен.

– Мама. – Эбигейл дернула ее за руку, когда они вышли на улицу. – Ты кричала на директора!

– Не кричала я на него. – Они шли по светлому бетонному тротуару возле школы, направляясь к парковке. Издалека донеслись крики, а воздух был наполнен влагой от сырости и детского пота. – Я просто говорила громко и отчетливо. А это большая разница.

Хотя вполне возможно, что ее повышенный тон скорее походил на визг. Самодовольство может оказаться сильным катализатором. Она скажет мужу, что вела себя стоически и большую часть «грязной» работы взвалила на плечи Арди. Та, конечно, отыграла свою роль великолепно, здесь и спорить не о чем.

– И так... – Слоун повернулась к Эбигейл и Арди. – Можем ли мы угостить тебя ланчем?

– На самом деле... – Арди прищурилась от яркого света и остановилась. – Как раз собиралась поймать такси и отправиться в офис. Нужно закончить те отчеты и... в общем, наверное, не смогу.

Она уже открыла одно из приложений на смартфоне.

Плечи Слоун опустились.

– Что ж, ладно, – ответила она. – Уступаю тебе с большим трудом. Пусть все знают, что я искренне пыталась оплатить тебе самое лучшее блюдо стоимостью от пяти до... – она окинула взглядом смятые купюры в своем кошельке, – пятнадцати долларов. Подмигнув, нежно обняла Арди. – Если не возражаешь, пусть этот эпизод с Эбигейл останется между нами. Слишком уж деликатное дело, – проговорила Слоун с легкой болью в голосе. Еще одна тайна на их с Арди дружеском счете. Еще один эпизод, когда работа смешалась с личной жизнью. Она увидела, как Эбигейл разглядывает какое-то растение. Прищурившись, девочка отщипнула от него две крошечные почки. Слоун очень любила свою дочь, но в душе все-таки ожидала, что у нее будет много друзей. И в то же время боялась этого. Наверное, она была никудышней матерью? – И, кроме того, сама знаешь, политика нашей компании и все прочее... ну, в общем многие сочли бы это нарушением корпоративного этикета. – Строго говоря, адвокаты «Трувив» не имели права представлять чьи-либо интересы, кроме самой «Трувив». И если все они были ярыми поборниками такого регламента, то, выходит, только что грубо нарушили его, что, с чисто технической точки зрения, могло породить целую кучу проблем. Хотя на самом деле вряд ли. Глупое правило. Как, например, запрет на переход улицы в неположенном месте. – Ты ведь меня понимаешь?

Арди пожала плечами.

– Как скажешь. Все останется между нами.

На какое-то мгновение Слоун подумала, что могла бы сделать свое маленькое, почти ничтожное признание, но в этот момент загудел телефон Арди. Кроме того, они дошли до поворота, что уже предполагало какие-то перемены. Наряду со сменой направления. Ну ладно, на самом деле с ее стороны это если и предательство, то совсем крошечное. Так что едва ли стоило о нем упоминать. В конце концов, уж точно не вопрос жизни и смерти. Ее небольшой роман... Да нет, господи, никакой это не роман. Разве можно назвать романом чисто платонические отношения? Наверное, нельзя. И, кроме того, между Арди и Слоун вовсе не сложились слишком преданные, моногамные отношения. У каждой были и другие подруги. Они ведь взрослые люди. Но, как бы то ни было, она всегда сможет рассказать ей позже. Или вовсе не говорить, что даже лучше...

Глава 10

23 марта

Розалита положила на клавиатуру конверт, адресованный «Мисс Вальдес». Она была рада, что Арди сейчас не оказалось в кабинете. Так было проще.

Свои услуги Арди предложила Розалите «про боно»[2 - Pro bono (лат.) – ради общественного блага, т. е. даром, бесплатно.]. В то время Розалита точно не знала, что это означает. Но ее сын, Саломон, помог через «Гугл» понять смысл. Розалите не хотелось, чтобы было бесплатно. Или, скорее, она в такое не верила. Даже бесплатный цыпленок с кунжутом в торговом центре – это своего рода приглашение зайти и купить какую-нибудь ерунду. Он действовал как приманка. А у Розалиты не было желания попадаться на приманку. Ее первым желанием было сразу отказаться от помощи Арди. Она так и сделала бы, если б не ее маленький сын. Он попросту не оставлял ей иного выбора, кроме как принять помощь. Поэтому она собрала деньги из тех скудных сбережений, которые ей удалось наскрести на этой работе, и сунула в конверт.

Главная проблема заключалась в том, чтобы точно понять, сколько именно нужно заплатить. Чтобы выяснить, она тоже полезла в Интернет, но оказалось, что почасовая ставка колеблется от дорогой до непомерной. Розалита не могла себе позволить ни то, ни другое, поэтому собрала сумму, которую сама посчитала справедливой. Стопка измятых купюр была сложена в почтовый конверт. Безрассудство расставания с такой суммой просто выворачивало ее наизнанку...

– Что вы делаете? – Розалита дернулась, когда услышала у себя за спиной мужской голос. Повернувшись, она увидела его: мужчину из углового офиса. С белой полоской волос, сбегаящих со лба. Руки Розалиты покрылись гусиной кожей.

– Да ничего. – Она принялась перебирать пальцами, а мужчина с любопытством смотрел на нее. От его пристального взгляда трудно было укрыться. – Убираю, – тут же поправила она себя.

В кабинет мужчина так и не вошел, но при этом своим телом загородил выход. Розалита явственно ощутила пульс в ушах. Она могла бы сказать ему правду, но ведь, в принципе, это не его дело. Ну, и, во всяком случае, она и так уже солгала, так что приходилось волей-неволей доигрывать роль...

Розалита вспомнила о лежащем на столе конверте и о том, чем все обернется, если он вдруг его заметит. Смешно и неубедительно прозвучат ее слова о том, что она, оказывается, оставила деньги – вместо того чтобы забрать их. Нет, он ей просто не поверит.

– А где же ваш инвентарь? – лениво спросил мужчина и почесал за ухом, будто заданный вопрос ничего для него не значил. Хотя это было явно не так, ведь иначе он его не задал бы.

Розалита все-таки взяла себя в руки и успокоилась, боясь, что накопившаяся за последнее время злость может как-то проявиться в ее голосе. Мужчина, бросив на нее косой взгляд, отступил от двери в коридор. Ей было хорошо известно о том, что думают об уборщицах сотрудники. По крайней мере такая легенда постоянно витала в воздухе: якобы и она, и другие девушки из клининговой компании просто спят и видят, как бы украсть что-нибудь из сменной обуви или побрякушек, оставленных сотрудниками на своих рабочих местах. Ее последняя

напарница, Латиша, как-то рассказала о памятке, которая ходила из рук в руки на верхних этажах. В ней сотрудников призывали закрывать свои вещи в надежном месте и после ухода выключать компьютеры. И все это – дабы избежать воровства. Избавьте их от соблазна и не держите на виду ценные вещи!

Боже праведный! От соблазна...

– Для того чтобы освободить корзины от мусора, инвентарь мне не нужен. А закончит уборку ночная смена. – Она раздумывала, стоит ли еще что-нибудь объяснять, но сомневалась, что мужчина проявит к этому хоть какой-то интерес. Вряд ли у него хватит терпения. Несколько раз в месяц Розалита выходила в дневную смену, когда была задействована лишь небольшая часть уборщиц. В их задачу входили как раз заботы о мусорных корзинах, пепельницах и случайно пролитом кофе. Точнее, кофе проливали не случайно и почти всегда, поскольку этот утренний ритуал неизменно сопровождался привычной болтовней...

Начатую беседу ей хотелось закончить как можно быстрее.

Его взгляд преместился от мусорной корзины в углу к месту, где прямо перед столом Арди стояла Розалита. Она лгала, и, наверное, он тоже догадывался об этом. Она ждала, словно вздернутый кверху пистолет, чтобы понять, что произойдет дальше. Одна секунда. Две...

Если б она не была уборщицей, то могла бы...

– Все в порядке? – Из-за спины мужчины вдруг появилась Арди, что стало для Розалиты огромным облегчением.

– Да, конечно. – Мужчина непроизвольно поднял руку и погладил щеку. – Так, проходил мимо. Просто зашел проверить.

– Ко мне в кабинет? – спросила Арди с притворным удивлением. Она прошла мимо него, и ее пухлая сумка вынудила его из вежливости посторониться. На его лице читалось явное раздражение. Но мужчина все-таки уступил.

Секунду постояв, он махнул рукой Розалите и сказал:

– Хорошего дня.

После чего удалился.

Арди закрыла дверь в кабинет.

– Что это было? – спросила она, повесив сумку на один из двух гостевых стульев.

Розалита, нервно покручивая пальцами кусок ужасной желтой ткани своей футболки, покачала головой. Волосы, убранные в толстый «конский хвост», упали ей на спину.

– Да так, ничего... – Она чувствовала себя маленькой и наивной – словно ребенок, который наблюдает за взрослыми во время работы.

– Ничего, говоришь? Как-то непохоже... – Арди уселась в кресло на колесиках и искоса поглядела на нее. – Ладно, проехали. Так ты искала меня? Но теперь, уже с другого края стола, Арди увидела конверт на клавиатуре. Она взяла его. – Что это?

Розалита не ответила.

Арди сложила руки на животе. Глубоко вздохнув, заглянула в конверт. Потом похлопав конвертом по ладони, выглянула из окна.

То, что эти две женщины завязали дружеское знакомство, было не так уж и странно, как могло показаться на первый взгляд. Это произошло вполне естественно, через много месяцев. Наверное, даже прошла пара лет. В тот первый раз, когда Арди заговорила с ней по-испански, Розалита забеспокоилась, подумав, что, может быть, эта женщина – лесбиянка. Но потом выяснилось, что у нее есть маленький сын и муж, который впоследствии стал бывшим мужем. И тогда Розалита почувствовала себя настоящей стервой? «De donde es usted?»[3 - Откуда ты? (исп.)] – спросила у нее поначалу Арди, и оказалось, что Арди, дочь двух врачей, родом из Маكالлена, в то время как Розалита ходила в среднюю школу в соседнем Рио-Гранде-Сити. Их беседы никогда не длились дольше пяти минут. Но как же прекрасно поговорить с другим взрослым человеком на родном испанском языке!.. На работе это обычно возбранялось – из опасения, что

арендаторы здания подумают, будто уборщицы сплетничают и наговаривают на них (впрочем, так оно и было). Какое же это наслаждение, когда не нужно продираться через джунгли еще одного языка, чтобы почувствовать, что тебя понимают, не считают посредственной... Как приятно ощутить себя человеком в компании такой собеседницы, как Арди! Это придавало уверенность в себе – которой так не хватало при общении на работе, в продуктовом магазине, в банке, в разговоре с чертовым кабельщиком, который приходил налаживать Интернет...

Арди снова вздохнула.

– Розалита, эти деньги я приму лишь при одном условии, – сказала она. – Мне хотелось бы нанять Саломона. Чтобы он помог мне на вечеринке по случаю дня рождения моего сына.

Розалита перехватила взгляд Арди.

– За сколько?

– За сто долларов, – сказала Арди.

Это было больше, чем сумма в конверте. Розалита нахмурилась, почти забыв о недавнем разговоре с мужчиной.

– Сто пятьдесят, – возразила она. Мама учила ее никогда не отвечать благодарностью на чье-то первое предложение. Ее мать была крошечной женщиной, страдавшей от приступов деменции. Она была вызвана черепно-мозговой травмой, полученной во время автокатастрофы. За годы, которые в итоге свели мать в могилу, ее любовь Розалита ощущала на себе как своего рода колючую проволоку. Но в результате она все-таки набила себе мозоли и обрела необходимый жизненный опыт. И теперь, оглядываясь назад, часто удивлялась, понимая, что некоторые самые важные навыки, которые она освоила в жизни, достались ей, по сути, от выжившей из ума матери...

Арди сделала паузу.

– Сто двадцать пять. Идет?

– Да. – Розалита кивнула. – Договорились.

Арди протянула руку, и Розалита сказала себе, что эта сделка далась ей довольно просто. Именно так она говорила себе и тогда, раньше. Конечно, тогда речь шла о том, чтобы выжить, и она вынуждена была с головой окунуться в факты и цифры. И все же по сей день это так и осталось худшей вещью, которую она когда-либо сделала в жизни. Простая сделка, которая навсегда доказала Розалите, что в душе она очень и очень хладнокровна. И что всему и вся предпочтет лишь себя и своего сына...

«Это всего лишь деньги», – подумала она сегодня. Но... разве это не были «всего лишь деньги» и в прошлый раз, когда она тоже договорилась?

Глава 11

27 марта

Поминки по Десмонду Бэнкоулу прошли через семь дней после его смерти. Предшествующие печальному событию дни протекали в привычном ритме: работа, машина, дом, редкие срочные звонки, наспех состряпанные памятки и формальные, порой ненужные совещания. Слоун оказалась на вечеринке в стиле «Кто есть кто», где все расхаживали в черных платьях, немного выпадающих из общего контекста. Сократив путь, она направилась к входу в церковь; под каблуками расстился мягкий подстриженный газон. Слоун испытывала лютую ненависть к похоронам. Когда ей было пятнадцать лет, за один год пришлось принять участие в трех подобных мероприятиях. Сначала хоронили бабушку по материнской линии, а потом обоих дедушек. Ей не понравилось пожимать руки пожилым людям, прикасаться к изношенным тканям их ладоней. Опухшие от слез лица, выплеск сокровенных эмоций... Нет, все это не для нее.

После того как родилась Эбигейл, они с Дерекком составили завещание, к которому Слоун приложила дополнительные указания: ее тело должно быть кремировано, а пепел развеян на заднем дворе под молитву за Тину Фей[4 - Элизабет Стаматина «Тина» Фей (р. 1970) – американская актриса, комедиантка,

сценарист, продюсер и писательница.]. И еще она включила туда несколько высокомерное предложение для Дерека – подумать о том, чтобы взять в жены Арди. Слоун была уверена, что подруга сможет как никто позаботиться об образовании Эбигейл, никогда не забудет упаковать ее ланч и вместе с тем не затмит ее как мать в глазах других сотрудников отдела. Ну а если не считать молитвы за Тину Фей и сватания одной из своих ближайших подруг, Слоун, как мертвая жена и мать, не планировала доставлять хлопоты кому бы то ни было. Честно.

Когда она уселась на церковную скамью, то почувствовала, как сразу же заболела спина, соприкоснувшись с твердым деревом. Положив в рот мятную конфету, Стоун сунула руку под мышку к Грейс.

– Последняя песнь, – тихо проговорила Арди, указав на одну из заключительных строчек в программе.

– Аллилуйя, – с облегчением ответила Слоун, закатив глаза.

Грейс прищурилась.

– Вот, значит, как вы обе будете себя вести, когда я умру! – шепотом высказалась она и, приложив к глазам измятую салфетку, громко фыркнула. Кончик ее носа покраснел. Слоун погладила плечо подруги, накрытое черным кашемировым платком. Ее матовые волосы были собраны в чопорный овальный пучок – как всегда, безупречный. Но, боже, какая же чувствительная она стала в последнее время!

– Все зависит от того, – прошептала в ответ Арди, – когда именно это произойдет – до или после того, как ты закончишь свой нормативный анализ сделки по приобретению абонентских ящиков. – Она посмотрела на часы. – А если честно, мы здесь торчим уже больше часа...

– Да она просто дразнит тебя, Грейс! Конечно, мы будем скорбеть.

Грейс обняла Слоун и улыбнулась. При этом она не спускала глаз с пастора, который, похоже, завершал службу, и склонила голову, чтобы не выделяться на фоне остальной части собравшихся.

– Мы весь год будем носить черное, – прошептала Слоун. – Клянемся.

Для верности она приложила руку к одной из Библий на церковной скамье. Как удобно, промелькнуло у нее в голове.

Грейс вскинула подбородок.

– Не смешно, сами ведь знаете. Такое вполне может произойти. – Она поймала взгляд Арди. – С любой из нас.

– Конечно, – мягко подтвердила Слоун, наблюдая за подругой. «Естественно, – проговорила она про себя, – что человек умирает после рождения своего ребенка». – Но не волнуйся, такого не случится!

Зазвучал орган, и Слоун поднялась вместе с толпой скорбящих. В этот момент ее кольцо зацепило черные чулки под платьем. Тут же образовалась очень заметная стрелка – до самого колена.

– Черт, – прошептала она. Получилось громче, чем она думала.

– Ты в порядке? – спросила Арди, повернувшись к Слоун.

– Да, нормально. – Запасных колготок у нее, естественно, нет. Придется смириться с этим, пока не появится возможность снять колготки в туалете, и надеяться, что утром она не забыла обработать голени лосьоном. Слоун пожалела, что здесь не оказалось Дерека, он мог бы сейчас поддержать ее. У него приятные ладони, широкие и гладкие, как у баскетболиста. – Просто нужно поскорее выбраться отсюда.

* * *

Погода стояла великолепная. Пахло недавно скошенной травой. Среди насаждений возле церкви порхали первые бабочки.

Когда толпа высыпала из церкви, Слоун услышала, как многие негромко заговорили друг с другом; кое-кто обменялся рукопожатиями, а кто-то, схватив

телефон, уже приглашал своего клиента на обед. Ей, видимо, тоже нужно было поскорее смешаться с толпой. Так сказать, не упустить момент. На газоне были расставлены столы с закусками, и посетители разбирали пластиковые стаканчики с апельсиновым соком или водой.

– Хотите что-нибудь? – спросила Арди, направляясь к одному из столиков. Против бесплатной раздачи еды она, как обычно, устоять не могла.

– Нет, спасибо, – ответила Слоун. Ее слегка подташнивало. Грейс куда-то исчезла – видимо, чтобы подправить макияж после церковной службы. Как человек Грейс, наверное, лучше, чем она, размышляла Слоун, которая во время службы умудрилась ни разу не заплакать.

Кто-то похлопал ее сзади по плечу. Обернувшись, Слоун увидела Элизабет Моретти, уже протянувшую руки для дружеского объятия. У Элизабет были длинные каштановые волосы, однако ее улыбка слишком открывала десны. Зато она красиво одевалась, и сегодня на ней было дорогое облегающее платье с оборками, с которого, как предполагала Слоун, совсем недавно, буквально пару часов назад, были срезаны ценники.

– Не зря я надеялась тебя здесь встретить.

Об Элизабет Слоун, естественно, думала то же самое. Хотя это было менее вероятно, учитывая, что она работала не в «Трувив»...

Беспрерывно болтая, Элизабет то и дело поглядывала по сторонам. Она вела себя очень шумно.

– Такое горе... Хотя церемония прекрасная. Боже, какие цветочные композиции! Прямо помереть и не встать... прости за неудачный каламбур. Видишь того парня?

Повернув голову в сторону клумбы с фиолетовыми и оранжевыми анютиными глазками, Слоун увидела двух мужчин, беседовавших в тени дуба; каждому на вид слегка за сорок. Обоих можно было назвать счастливыми, потому что им удалось сохранить волосы; однако и у того и у другого на голове уже образовались легкие проплешины телесного цвета.

– Того, который пониже ростом, – уточнила Элизабет. – Он пришел позже, поэтому не думаю, что ты его знаешь. Джейкоб Шор. Пару лет назад стал партнером в «Джексон Броквелл». Так вот, он значится в «Списке плохих парней». Я-то думала, что все знаю. Но, оказывается, нет! Прямо рядом с его именем было написано: «Пытался у себя в кабинете совратить молодую стажерку». Я чуть не умерла. Боже праведный! – Она перекрестилась, смерив взглядом церковный шпиль. – Можешь в такое поверить?

В самом деле, могла ли она?.. Слоун посмотрела на мужчину, который казался достаточно общительным. Дружелюбное лицо. Она вполне могла бы представить его своим любимым учителем физкультуры. Хищник по натуре? Это было бы слишком просто...

– Итак. – Элизабет вытащила складное зеркальце. – Он был в списке?

Слоун ругала себя за то, что, как назло, забыла сегодня солнцезащитные очки. Стало тепло, а она стояла с каменным лицом.

– А кто сказал, что я искала так кого-то? – спросила она с оттенком раздражения в голосе.

– Справедливое предположение.

Слоун почувствовала, что вспотела под горячим утренним солнцем.

Она и сама добавила бы его в тот список. Файл был анонимным. Просто документ общего пользования, болтающийся в туманном облаке Всемирной паутины. Добавлять и редактировать его мог кто угодно, поэтому она тоже решила не оставаться в стороне. Но потом что-то ее остановило. Почему?

– Прекрасно, прекрасно, ничего не говори. Не мое дело. – Но Элизабет до всего было дело. Она закрыла зеркальце. – Однако тебе нужно его туда внести. Это могло бы кому-нибудь помочь. Возьми быка за яйца. – И она похлопала ее по руке. – Знаешь, что я имею в виду?

Слоун не хотелось обсуждать это прямо сейчас. По крайней мере не с ней. Разве Элизабет не вела свой собственный список?

Остерегайся Эймса Гарретта...

– Прости, Элизабет. У меня что-то разыгрался насморк. Нужно в туалет. – Ее собственный голос показался Слоун слишком уж официальным. Что с ней произошло? Она окончательно потеряла из виду Арди и Грейс. Ей нужно как-то собраться, прийти в себя, хотя она и в самом деле ненавидела похороны...

Слоун обняла Элизабет. Ей не очень нравилось обнимать других женщин, знакомых по работе, но она все еще помнила, что Элизабет как раз из тех, кому это доставляло особое удовольствие.

– Захвати лак для ногтей, – бросила ей вслед Элизабет.

Слоун обернулась.

– Не поняла?

Элизабет пристально посмотрела на нее. Потом сложила ладони рупором.

– Это остановит стрелку на колготках.

Слоун махнула рукой в знак благодарности.

* * *

Внутри церковь, слава богу, почти опустела; лишь несколько человек, отставших от основной толпы, топтались на месте и вполголоса разговаривали. Ее шаги отозвались эхом от стен, когда она направилась в дамскую комнату, которая, как ей объяснили, находится где-то в восточном крыле.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Минди Калинг (наст. Вера Минди Чокалингем, р. 1979) – американская актриса комедийного плана.

2

Pro bono (лат.) – ради общественного блага, т. е. даром, бесплатно.

3

Откуда ты? (исп.)

4

Элизабет Стаматина «Тина» Фей (р. 1970) – американская актриса, комедиантка, сценарист, продюсер и писательница.

Купить: https://tellnovel.com/beyker_chandler/chernyy-spisok

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)